

СОЦИ ДИГГЕР

18+

ВЦИОМ

ЭКСПЕРТЫ:

директор НИЦ «Особое мнение», зам. председателя Комиссии Общественной палаты РФ по социальной политике, политолог, политический консультант

Екатерина Курбангалеева

к. социол. н., директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ

Ирина Мерсиянова

президент благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам»

Елена Альшанская

ассоциированный сотрудник СИ РАН, руководитель независимого проекта «Мониторинг трудовых протестов»

Петр Бизюков

к. социол. н., сопредседатель Фонда «Московский центр урбанистики «Город»

Алексей Расходчиков

1989

2021

ТЕМА ВЫПУСКА

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

ОГЛАВЛЕНИЕ

 Обращение к читателям	3
 Курбангалеева Е. Ш. Гражданское общество и активизм: этапы, проблемы и развилки	5
 Мерсиянова И. В. Гражданское участие во время пандемии COVID-19	16
 Альшанская Е. Л. Волонтерство: государственное VS гражданское	27
 Бизюков П. В. Как и почему протестуют работники в России	35
 Расходчиков А. Н. Виртуальные общественные объединения: сила неформализованных сообществ	44
Расширенный комментарий:	
Квартников П. В. Интерактивная карта гражданских инициатив	54
Метелев А. П., Жукова Д. Д., Савчук П. О. Люди добра: как развиваются волонтерские движения в России	56
Земнухова Л. В. Неуловимый гражданский активизм: от политического протеста до неполитической деятельности	65

РАСШИРЕННАЯ ПОДБОРКА ДАННЫХ «Гражданский активизм»

СКАЧАТЬ в PDF

СКАЧАТЬ в DOC

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА.
ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Кто-то живет по принципу «будь той переменной, которую хочешь видеть в мире», кто-то считает, что «тот, кто ничего не делает для других — ничего не делает для себя», оснований для включения в волонтерские и добровольческие практики бесконечно много, равно много и пониманий того, что есть гражданское участие в жизни общества. Активизм многолик и разнообразен в разные периоды и в разных условиях жизни общества, но не меняет своей сути — деятельное стремление человека повлиять на окружающий мир, стать субъектом перемен.

Динамика общественных изменений сегодня высока, и вместе с ней обороты набирает гражданское участие, поражающее многообразием — от забастовочной «классики» до цифрового волонтерства. С ростом активизма и потенциала его влияния на ситуацию в стране растет и интерес к нему со стороны других субъектов изменений, прежде всего государства. В стремлении урегулировать и структурировать эту деятельность государство создает институции и инструменты, задающие гражданскому активизму рамки и определяющие условия его развития, разнообразные, как и сам активизм: Совет при Президенте РФ по правам человека, Общественная палата РФ, закон «Об основах общественного контроля в РФ», омбудсмен по правам человека и правам ребенка, по защите прав предпринимателей, паспорт волонтера и проч. Как сказывается внимание государства на развитии гражданского активизма, например, в сегменте НКО, что изменилось по сравнению с периодом, когда подобные организации выполняли свою работу безнадзорно, чего можно ожидать в будущем — об этом размышляют наши эксперты, анализируя ход и основные тренды развития активизма.

В этом выпуске мы фокусируем внимание на развитии добровольчества и волонтерства, планируя вернуться к политической составляющей жизни гражданского общества осенью, когда будем анализировать итоги выборного года. Однако совсем пройти мимо политических сюжетов мы не смогли и обратились к вопросам трансформации политического активизма, его понимания как проявления недовольства, инструмента защиты интересов, проявления гражданской осознанности, к вопросу о «коридоре возможностей» как альтернативе стоп-акциям.

В разговоре о сути, проявлениях и динамике развития активизма невозможно обойти тему доверия к людям и институтам, составляющим его среду. По данным исследований, на начало 2019 года общественным организациям в России доверяли лишь 23 % опрошенных россиян¹. Что стоит за этим? Реакция на общество постправды или все дело лишь в том, что на смену «титанам» доинтернетной эпохи — профсоюзам, массовым политическим партиям, многочисленным влиятельным национальным и международным организациям, — приходят сетевые движения и виртуальные группы по интересам?..

Приглашаем вас к поиску ответов на эти и другие вопросы, связанные с гражданским активизмом и участием, вместе с нашими экспертами. И предлагаем самим обратиться к результатам опросов, иллюстрирующим тему, на страницах расширенной подборки данных ВЦИОМ.

Анна Кулешова,
главный редактор СоциоДиггера

P.S. Если вы готовы поделиться своей экспертизой и стать автором СоциоДиггера, присылайте заявку на kuleshova@wciom.com. С нас — данные!

¹ 2019 Edelman Trust Barometer Global Report. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf.

**КУРБАНГАЛЕЕВА
ЕКАТЕРИНА ШАМИЛЬЕВНА**

директор Научно-исследовательского центра «Особое мнение»,
зам. председателя Комиссии Общественной палаты РФ
по социальной политике, политолог, политический консультант

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И АКТИВИЗМ*: ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ И РАЗВИЛКИ

o Этап первый. «Безличностный индивидуализм» и инерционный активизм конца 1990-х

После всплеска небывалой гражданской активности в период перестройки, когда люди активно обсуждали происходящие события в трудовых коллективах, собирались на митинги, участвовали в выборах, следили за заседаниями Верховного совета и первыми шагами российского парламента, наступил определенный спад. В конце 1990-х — начале 2000-х исследователи с сожалением констатировали невысокую степень гражданской активности и незрелость гражданского общества, объясняя это разными причинами. Одна из наиболее часто упоминаемых причин — наследие советского прошлого, когда социально одобряемыми моделями поведения были: «не высывайся», «моя хата с краю...», «поживем — увидим», «я — простой человек, от меня мало что зависит». Другой часто упоминаемой причиной была пережитая социальная травма «очарования демократией», которая крепко связалась в восприятии людей с распадом некогда великой державы и «лихими девяностыми», резким обнищанием населения, пустыми прилавками, продуктовыми талонами, очередями и безработицей.

* Гражданский активизм, под которым мы понимаем целенаправленное и осознанное участие граждан в общественной и политической жизни страны с целью защиты и реализации своих прав и интересов, тесно увязан с такими понятиями, как гражданское общество, идентификация, в том числе социальная, ценностные установки, жизненные стратегии, поведенческие модели и пр.

Проводимые под руководством известных социологов Владимира Ядова, Юрия Левады, Михаила Горшкова и Владимира Петухова в конце 1990-х — начале 2000-х годов исследования констатировали *сверхиндивидуализацию* *российского массового сознания*, самоидентификацию со своей семьей и близкими, приоритет ценностей

частной жизни и индивидуальных свобод. Ценности же коллективного участия, солидарности и групповой идентичности находились в подчиненном положении, что подкреплялось пессимизмом в отношении будущего страны¹. Один из ведущих отечественных философов Борис Капустин дал этому феномену определение «*безличный индивидуализм*»². Наблюдались явления негативной или агрессивной мобилизации, то есть «*солидаризации перед лицом внешней угрозы*», — это также свидетельство мотивации, свойственной, по Маклелланду, скорее, раннему периоду социализации (взросления в нашем случае), когда доминируют защитные реакции³. Кстати, рассуждая о России как о подростковом обществе, Владимир Ядов любил упоминать «*уникальность движения солдатских матерей, для которых молодые мужчины, призываемые в армию, остаются детьми и нуждаются в защите*»⁴.

Основные практики гражданской активности были скудны и непопулярны, инерционны и в основном сводились к участию в собраниях трудовых коллективов, привычных мероприятиях по благоустройству мест проживания, демонстрациях по случаю официальных государственных праздников. Общественная активность чаще всего проходила в рамках крупных всероссийских организаций, уна-

¹ Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии. Символы. Мифы / под ред. Рябова А. В., Курбангалеевой Е. Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 173—180.

² Доминирование индивидуалистических моделей социального действия, низкий статус личного достоинства.

³ Ядов В. А все же умом Россию понять можно // Россия трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 9—20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-vse-zhe-umom-rossiyu-ponyat-mozhno>.

⁴ Ядов В. А. Там же.

следованных со времен СССР: профсоюзы, организации ветеранов и инвалидов, Всероссийское общество охраны природы, отраслевые и досуговые организации, такие как общества охотников и рыбаков, общество «Знание», ДОСААФ, Союз женщин России, ставший правопреемником Комитета советских женщин, и пр. Безусловно, отдельного упоминания заслуживает уникальная старейшая правозащитная организация «Московская Хельсинская группа», созданная в 1976 году⁵ и — редчайший случай, — положившая начало международному хельсинскому движению. Ответом на наболевшие вопросы, осознаваемые в российском обществе, стало также создание уже упомянутого выше Комитета солдатских матерей (1989 год) и общественной организации «Кедр» (1993 год). И совсем удивительными, будто заброшенными из будущего, были первые ласточки, призванные решать особые проблемы — паллиативной помощи и тяжелобольных детей, — про которые российское общество никогда ранее не задумывалось: Первый московский хоспис Веры Миллионщиковой (1994) и «Русфонд» при Издательском доме «Коммерсантъ» (1996 год).

Нельзя сказать, что за последующие 20—30 лет в нашем обществе произошли какие-то кардинальные изменения с точки зрения гражданской активности и российское общество стало зрелым и сильным, однако поступательное развитие очевидно.

Этап второй. Благотворительные фонды, политические организации и институты социального мониторинга и контроля первого десятилетия XXI века

В первое десятилетие XXI века гражданское общество и гражданская активность стали развиваться в двух параллельных направлениях, существующих в дискретных сферах. С одной стороны, в ответ на родительское отчаяние по поводу тяжело больных детей стали создаваться благотворительные фонды и организации: «Подари жизнь» Чулпан Хаматовой и Дины Корзун (2004), «Линия жизни» (2006), «Фонд Константина Хабенского» (2006), Фонд помощи хосписам «Вера» Анны Федермессер (2006), «Справедливая помощь» Елизаветы Глинки (2007). На беду начали откликаться самые восприимчивые и эмоционально лабильные: в попечительские советы шли известные актеры и музыканты. Вокруг этих фондов складывался костяк неравнодушных людей, которые считали естественным выходным проводить за помощью бездомным, собирать деньги больным детям, организовывать телемарафоны и творческие концерты в поддержку обездоленных.

⁵ Устав организации был принят в 1993 году. URL: <https://mhg.ru/history>.

VK.COM/LIZAALERT_REAL

3 года (2016 г.р.)
СНТ Кебь, Псковский р-н, Псковская обл.
23 мая 2020 года ушла из дома и не вернулась.
Приметы: рост 106 см, нормального телосложения, волосы каштанового цвета вьющиеся, глаза серо-голубые.
Одежда: розовое платье с длинным рукавом, бордовые колготки, бело-розовые сандалии с цветочками.

**ПОМОГИТЕ
НАЙТИ
РЕБЕНКА**

Просим сообщать любую информацию по телефону горячей линии:
8 (800) 700-54-52 или 112
НУЖНА ПОМОЩЬ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

LIZA ALERT | WWW.LIZAALERT.ORG | ORG@LIZAALERT.ORG pin24.ru

Отдельно стоит упомянуть создание движения, которое в 2010 году быстро оформилось в уникальный поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт», объединяющий тысячи неравнодушных людей по всей стране, часто состоятельных, которые в любое время суток готовы подняться и пойти искать пропавших людей.

Прорастающие «снизу» по инициативе известных и уважаемых людей, такие организации закладывали основные механизмы, формы и практики в социальной сфере, развивая как социальную норму сопереживания, взаимопомощь и взаимовыручку. Пожертвования и другие виды благотворительности понемногу становились привычной моделью поведения сострадательного и ответственного российского человека.

Забегая немного вперед, приведем некоторые данные. По данным ВЦИОМ, уже в 2006 году 56 % россиян считали, что «благотворительность должна быть делом каждого человека — в меру его возможностей»⁶. И если в 2004 году только 4 % вносили деньги на счет благотворительных организаций или нуждающихся людей, при этом 36 % с готовностью «подавали милостыню», то уже в 2017 году деньги на счета больным людям перечислял каждый третий⁷. А в сентябре 2019 года 68 % опрошенных демонстрировали готовность принимать участие в какой-либо благотворительной деятельности⁸.

В это же время с подачи государства (Администрации Президента РФ), не желающего уступать инициативу политического участия, «сверху» начали фор-

⁶ См. аналитический обзор «Нужно ли поощрять благотворителей?» от 30.10.2006 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-li-pooshhryat-blagotvoritelej>.

⁷ См. аналитический обзор «Благотворительный фандрайзинг в России» от 15.10.2017 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/blagotvoritelnyj-fandrajzing-v-rossii->

⁸ См. аналитический обзор «От милостыни — к волонтерству: как меняется благотворительность в России» от 04.10.2019 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-milostyni-k-volonterstvu-kak-menyaetsya-blagotvoritelnost-v-rossii>.

мироваться (или формировать) общественные организации, задача которых была канализировать усилия и гражданскую активность, прежде всего молодых людей, в общественно-политической сфере в заданной парадигме. В 2000 году была создана молодежная организация «Идущие вместе», которая в 2005 году была переформатирована в движение «Наши» (в его недрах, кстати, родились и развились оригинальные, фактически стилистико-этические проекты, такие как «СтопХам» и «Хрюши против»). В мае 2011 года по инициативе президента России был создан Общероссийский народный фронт, в рамках которого до сих пор функционируют вполне эффективные практики: «За честные закупки», «Карта убитых дорог», «Генеральная уборка», «Регион заботы» и др. Большая часть из них являются по своему функционалу мониторингово-инспекционными, что обогатило гражданские практики новыми подходами и инструментами.

Помимо двух параллельных направлений, власти, осознающие необходимость дополнительного контроля со стороны общества за деятельностью бюрократических и правоохранительных структур, начали создавать отдельные крупные гражданские институты, такие как Совет при Президенте РФ по правам человека⁹, Общественная палата Российской Федерации¹⁰, затем с 2006 по 2011 год последовательно были созданы региональные общественные палаты. Общественная палата РФ взяла на себя задачу по созданию, обеспечению и организации общественных советов при министерствах и ведомствах, статус которых был закреплен несколько позже федеральным законом «Об основах общественного контроля в РФ»¹¹.

Кроме того, последовательно, в дополнение к омбудсмену по правам человека, были созданы институты омбудсменов по правам ребенка (2009 год) и по защите прав предпринимателей (2012), чьи аппараты функционируют при Общественной палате РФ.

Отдельная институция и гражданская практика, заслуживающая упоминания, — общественные наблюдательные комиссии (ОНК) по защите прав человека в местах принудительного содержания¹². В настоящий момент ОНК созданы и функционируют в 45 регионах. Все эти институции, организации и инициативы функционально создали и создают экосреду различных форм участия в общественной и социальной жизни.

⁹ Совет при президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека был преобразован из Комиссии по правам человека 6 ноября 2004 года.

¹⁰ Общественная палата РФ создана 1 июля 2005 года. Аналогичные институции существуют более чем в 72 странах, они объединены в Ассоциацию МАЭССИ, которая функционирует с 1999 года. URL: <http://aicesis.org/missions/>.

¹¹ 21 июля 2014 г. 212-ФЗ «Об общественном контроле в РФ».

¹² 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Некоторые эксперты считают данные институции симулякрами, а закон «Об общественном контроле» критикуют за его низкую эффективность. Однако нельзя отрицать, что все эти механизмы и институции послужили стимулами для создания дискуссионных площадок, катализаторами создания и укрепления ряда общественных организаций и в целом сектора НКО, инициирования и функционирования новых гражданских практик.

Этап третий. Наши дни: от оказания конкретной помощи — к системным преобразованиям

Со второго десятилетия XXI века гражданское общество России вступило в новый этап своего развития. В это время создаются общественные организации, НКО и просто инициативные группы экологов, правозащитников в различных сферах, в том числе связанных с домашним насилием, активистов ЖКХ, волонтеров, помогающих ПНИ, ДДИ, занимающихся проблемами сиротства и бездомных животных. Идея волонтерства, до этого имевшая скорее «молодежное» лицо, распространяется среди старших возрастных групп — развивается «серебряное» волонтерство. Отдельной практикой, все более популярной, становится донорство. По данным ВЦИОМ, по сравнению с 2008 годом к 2017 году доля хотя бы раз сдавших кровь увеличилась с 36 % до 47 %¹³.

Примерно в это время сектор НКО и гражданские активисты от тактики помощи ad hoc¹⁴, а также там и тогда, где и когда государство либо не справляется, либо медленно реагирует (тот же поиск пропавших людей, сборы на лечение тяжелобольных детей, сопровождение постояльцев ПНИ и пр.), переходят в плоскость

¹³ См. аналитический обзор «Донорство крови в России: мониторинг» от 27.12.2017 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/donorstvo-krovi-v-rossii-monitoring>.

¹⁴ Ad hoc (лат.) — здесь и сейчас.

влияния на принятие государственными органами системных, правовых решений, а также изменения правовых основ и появления принципиальных законодательных новелл. По большей части это происходит в социальной политике, системе социальной защиты, экологии, а также в сфере взаимоотношений «общество — государство» (большей частью в вопросах этического характера). Любопытно в связи с этим общественное неформальное движение «Синие ведерки» в защиту прав граждан на дорогах, которое начало активно себя проявлять в 2010 году и имело в то время несколько десятков тысяч сторонников. Его результатом стало резкое сокращение количества «проблесковых маячков» на машинах госчиновников. В апреле 2010 года был зарегистрирован Всероссийский союз пациентов¹⁵, объединивший миллионы граждан и десятки пациентских организаций. Общими усилиями совместно с рядом организаций инвалидов и Общественной палатой РФ пациентскому сообществу удалось в марте 2018 года добиться не только принятия Постановления Правительства РФ № 339¹⁶, но и расширить программу ВЗН¹⁷ до 14 нозологий, затем и инициировать создание государственного фонда помощи детям с орфанными заболеваниями «Круг добра». Другой яркий пример — появление Федерального закона «О паллиативной помощи»¹⁸, который можно считать огромной заслугой гражданского общества и лично Анны Федермессер. Акция Greenpeace Russia в 2013 году по запрету весенних палов мотивировала Правительство РФ принять постановление о запрете весенних поджогов травы¹⁹. Борьба активистов, в том числе «Экологической вахты Сахалина», с «китовой тюрьмой» на Сахалине заставила не только выпустить всех «морских узников» — касаток и белух — на свободу²⁰, но и привела к появлению поддержанной Росприроднадзором законодательной инициативы запрета на вылов и любую добычу китообразных²¹, а также включению отдельных видов морских животных в Красную книгу России²².

¹⁵ История Всероссийского союза пациентов//Всероссийский союз пациентов. URL: <https://vspru.ru/association/istoriia-vserossiyskogo-soiuza-patsientov>.

¹⁶ Постановление Правительства № 339 от 29 марта 2018 года «О внесении изменений в Правила признания лица инвалидом», по которому десятки тысяч детей при первичном освидетельствовании (без ежегодных переосвидетельствований, что было практикой еще со времен Советского Союза) при наличии определенных заболеваний получают статус инвалида до 18 лет.

¹⁷ Программа лекарственного обеспечения высокозатратных нозологий. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912280022>.

¹⁸ 18-ФЗ от 06.03.2019 года «О паллиативной помощи».

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 10.11.2015 года № 1213 «О внесении изменений в Правила противопожарного режима в РФ».

²⁰ Летом 2019 года 10 касаток и 87 белух были выпущены на свободу из «китовой тюрьмы». Весь мир следил за этой непростой операцией.

²¹ Проект закона о запрете на осуществление промышленного рыболовства китообразных и их вывоз за пределы территории Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=200209&dst=100001#09400316052955835>.

²² В проект нового списка редких видов животных, занесенных в Красную книгу России, включены дальневосточная плотоядная косатка и каспийский тюлень — ранее ученые и экологи безуспешно боролись за это более 10 лет.

О На пороге системного участия в политической жизни страны. Здравствуй, племя молодое, незнакомое

В настоящий момент гражданское общество и гражданская активность имеют все предпосылки и интенции вступить в новый этап своего развития — активное общественно-политическое участие людей в жизни страны. Тому есть объективный фактор — *рождение нового субъекта в российской политике* и субъективный фактор — *всплеск гражданского активизма в прошлом году*.

Начнем со второго фактора. Пандемийный год стал в некотором роде переломным, он сыграл важную роль, побудив значительное количество людей проявить свои лучшие качества. Фактически это стало первым масштабным опытом коллективной самоорганизации. Общероссийская акция взаимопомощи «Мы вместе» объединила 118 тыс. добровольцев, 9 тыс. партнерских организаций, охватила 3,5 млн человек, которым требовалась помощь, были собраны пожертвования на сумму 1,8 млрд руб. от компаний и частных лиц²³. Кроме того, пожалуй, впервые за всю историю существования третьего сектора в современной России государство было вынуждено само обратиться к НКО и волонтерам за помощью и попросило вывести людей из мест повышенного риска заражения коронавирусом в стационарных учреждениях — разобрать по домам часть постояльцев психоневрологических интернатов и детских домов-интернатов.

Но пандемийный год активизировал не только молодых людей. Общество стало свидетелем активной позиции даже одной из самых консервативных социально-профессиональных групп — врачей.

Разбуженное активное начало гражданского самосознания, безусловно, в будущем повлияет на рост и масштабы активизма, и это необходимо будет учитывать государству при определении своей стратегии взаимодействия с обществом.

Что касается нового субъекта общественно-политической жизни, то большинство исследователей современного российского общества говорят о росте гражданской субъектности поколения молодых людей. На смену подчеркнута аполитичным группам молодежи приходят новые формы объединений, которые интересуются социальными и политическими ценностями: правами человека, гендерными вопросами, участием в принятии политических решений. Они более толерантны к постмодернистским, а не традиционалистским ценностям, легки на подъем, неравнодушны, готовы к волонтерству, интересы государства для них менее приоритетны в сравнении с правами человека²⁴. У молодого поколения, благодаря соци-

²³ Доклад Общественной палаты РФ за 2020 год.

²⁴ Гражданский активизм российской молодежи // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/>.

альным сетям и оперативному доступу к информации, есть навыки коллективной самоорганизации и солидарности. Они используют новые формы гражданского участия. У них есть опыт: это и массовые протесты против ареста Ивана Голунова, и московские выступления и столкновения с полицией летом 2019 года, и протесты января-февраля 2021 года. Молодые люди полны энергии, идеализма и максимализма. Однако социальные лифты для них отсутствуют, как отсутствуют и условия для самореализации. Словом, новое поколение, чья социальная пассионарность была разбужена в том числе и востребованным волонтерством пандемийного года, к тому же «вооруженное» новыми коммуникационными технологиями, готово заявить свои права на участие в политической жизни.

Инерция общества и закрытость государства. Вместо пролога

Постепенно форматы и инструменты гражданского участия становятся все более разнообразными, а общественные практики — все более автономными, точечными, дисперсными. Крупные институциональные формы уступают место более мобильным и ситуативным форматам, небольшим организациям, инициативным группам, которым социальные сети позволяют почти моментально объединяться для решения насущного вопроса или острой проблемы. Растет число площадок, где можно проявить себя. Сегодня, имея под рукой арсенал видеохостингов и мессенджеров, а также некоторую долю креатива, даже один в поле воин — нередки случаи разовых резонансных персональных акций, все ярче себя проявляет акционизм.

Развитию гражданского общества и гражданского активизма в немалой степени способствует и Фонд президентских грантов, а также администрации регионов, которые на постоянной основе материально поощряют инициативы и проекты тысяч НКО и общественных организаций.

Значит ли это, что в стране появились, наконец, все предпосылки и возможности иметь уже завтра зрелое гражданское общество и восприимчивую к общественному мнению власть? Пока нет. Дорога еще предстоит долгая. Общество и государство пока учатся взаимодействовать. У каждой из сторон есть свои сдерживающие факторы, порой они объективны, а порой нет.

Что касается основных слоев населения, то гражданский активизм, в особенности в отдельных своих проявлениях, как, например, добровольчество, уже является социально одобряемой моделью поведения, но не переходит в устойчивую повседневную поведенческую практику. Гражданский активизм по-прежнему в основном свойственен молодым людям и жителям мегаполисов и крупных

городов. Инерция «безличностного индивидуализма» в российском обществе еще слишком сильна, корни его глубоки. Граждане в большинстве своем пока продолжают преследовать сугубо частные интересы, руководствуясь в большей мере соображениями индивидуальной пользы. Ключевыми практиками гражданского участия до начала пандемии оставались участие в придворовых мероприятиях, пожертвования для больных детей и бездомных животных, перепосты и голосования за те или иные общественные инициативы в соцсетях. По данным ВЦИОМ, в апреле 2020 года 77 % опрошенных говорили, что волонтеры существенно помогают в условиях ковида²⁵. Однако готовность помогать демонстрировали уже 64 %, а когда речь заходила о конкретных видах помощи, более 40 % заявляли, что не планируют оказывать конкретные виды помощи и не готовы к этому. Проще всего людям, по их признанию, оказывать помощь в информировании окружающих о профилактике коронавируса, сложнее всего даются реальные действия²⁶.

Власти, со своей стороны, также пока только осваиваются в новой и часто некомфортной для них реальности, когда их действия становятся, даже вопреки их желанию, прозрачными, обсуждаемыми и критикуемыми в обществе. Государство, которое есть в основе своей результирующая бюрократического восприятия социальной действительности чиновниками, не в полной мере еще готово слышать, воспринимать интересы и мнения своих граждан и руководствоваться ими как «социальным заказом», подлежащим выполнению.

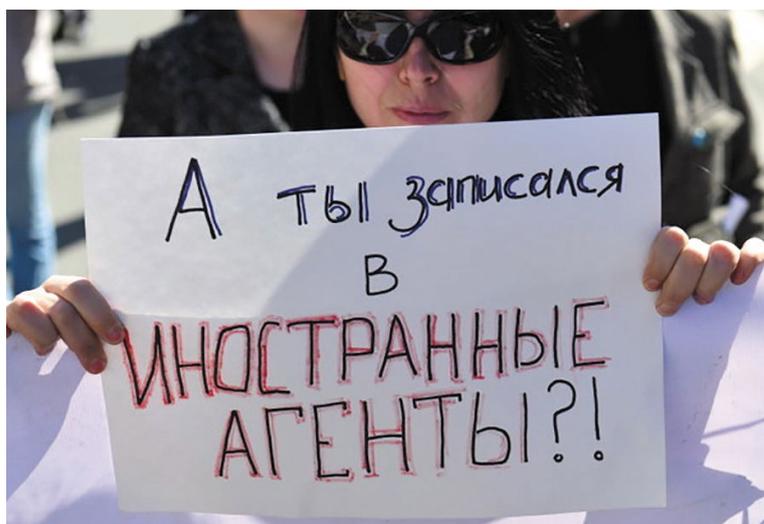
Нельзя здесь также обойти вниманием и вопрос политического участия. Власти весьма ревностно относятся к различного рода политическим практикам, нередко «дуя на воду» и разгоняя мирные собрания и манифестации. В последние годы наметилась практика применения насилия со стороны правоохранительных органов, в том числе и к мирным протестующим. Это все аргументируется отсылками к охранительному по своему духу законодательству в отношении участия в политической деятельности, которая (политическая деятельность. — Е. К.) трактуется излишне широко. В этих условиях государство стремится сократить пространство независимых политических практик в пользу контролируемых и предсказуемых, а подчас и режиссируемых. Это в общем ожидаемо. Государство, по меткому замечанию Бориса Капустина, «...всегда будет стремиться инструментализировать гражданское общество и превратить его в свое орудие»²⁷.

²⁵ См. аналитический обзор «Волонтеры помогают пострадавшим от пандемии» от 13.04.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-pomogayut-postradavshim-ot-pandemii>.

²⁶ См. аналитический обзор «Коронавирус: борьба продолжается!» от 18.05.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koronavirus-borba-prodolzhaetsya>.

²⁷ Стенограмма второго семинара. Доклад Б. Г. Капустина «Гражданское общество — исчезающая реальность?» и его обсуждение // Институт философии РАН. URL: <https://iphras.ru/page51474749.htm>.

Настоящий момент с точки зрения гражданского общества и гражданского активизма можно охарактеризовать как важную развилку во взаимоотношениях «общество — государство», такую точку бифуркации, от прохождения которой будет зависеть будущее страны.

Из открытых источников

**МЕРСИЯНОВА
ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА**

кандидат социологических наук,
директор Центра исследований гражданского общества
и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики»

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия COVID-19 существенно повлияла как на повестку гражданского участия, так и на условия ее осуществления и вовлечения в нее граждан. Дестабилизирующая ситуация пандемии особенно отчетливо проявила значимость институтов гражданского общества для социальной стабильности в нашей стране. В связи с этим важно обратиться к установкам россиян, связанным с их участием в практиках гражданского общества, а также проанализировать, как трансформировались практики гражданского участия — волонтерство и благотворительность, которые немыслимы без активной деятельности негосударственных некоммерческих организаций (НКО). Для этого используем данные трех эмпирических исследований, проведенных Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» в 2020 году¹.

Факторы гражданской самоорганизации

Готовность объединяться с другими людьми для совместных действий — это основа гражданской самоорганизации, спонтанных инициатив неравнодушных людей, которые берут в собственные руки решение проблем, улучшение своей жизненной ситуации и помощь другим людям, испытывающим трудности. Многие из этих инициатив уже продемонстрировали высокий потенциал и осязаемый результат. Положительная установка россиян на объединение реализовывалась и в сложных условиях распространения коронавируса, когда нормой жизни была самоизоляция.

¹ Использованы результаты онлайн-дискуссий и двух всероссийских телефонных опросов населения, проведенных в период с 1 апреля по 3 мая 2020 года и с 10 по 28 августа 2020 года по всероссийской репрезентативной выборке взрослого населения России (старше 18 лет). Выборка составила 2012 и 2018 респондентов соответственно. В опросах использовалась двухосновная выборка мобильных и стационарных телефонных номеров. Статистическая погрешность не превышает 2,5%.

Согласно результатам всероссийского опроса населения, 38 % россиян отметили, что готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, и 20 % — что скорее готовы, чем нет (скорее не были готовы объединяться с другими 12 % респондентов и не были готовы совсем 24 %). Однако, по данным Мониторинга состояния гражданского общества НИУ «Высшая школа экономики», в 2019 году потенциальная готовность россиян объединяться с другими людьми находилась на более высоком уровне. К тем, кто готов объединяться с согражданами для общего дела, отнесли себя 76 % населения (и 21 % оказались не готовы объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают).

На готовность объединяться значительно влияет уровень социальной активности граждан. Среди россиян выделяются группы социально активных людей, которые в большей степени готовы к объединению с другими — те, кто участвует в деятельности общественных объединений, в акциях помощи людям, в организации коллектива для решения личной или чужой проблемы.

Надо отметить, что в большей степени готовы к объединению удовлетворенные жизнью россияне. Та же тенденция характерна и для такого фактора, как оценка ближайших изменений жизни в нашей стране. Россияне-оптимисты, считающие, что в ближайшем будущем жизнь в нашей стране станет лучше, в большей степени, чем остальные, выражают готовность к объединению с другими.

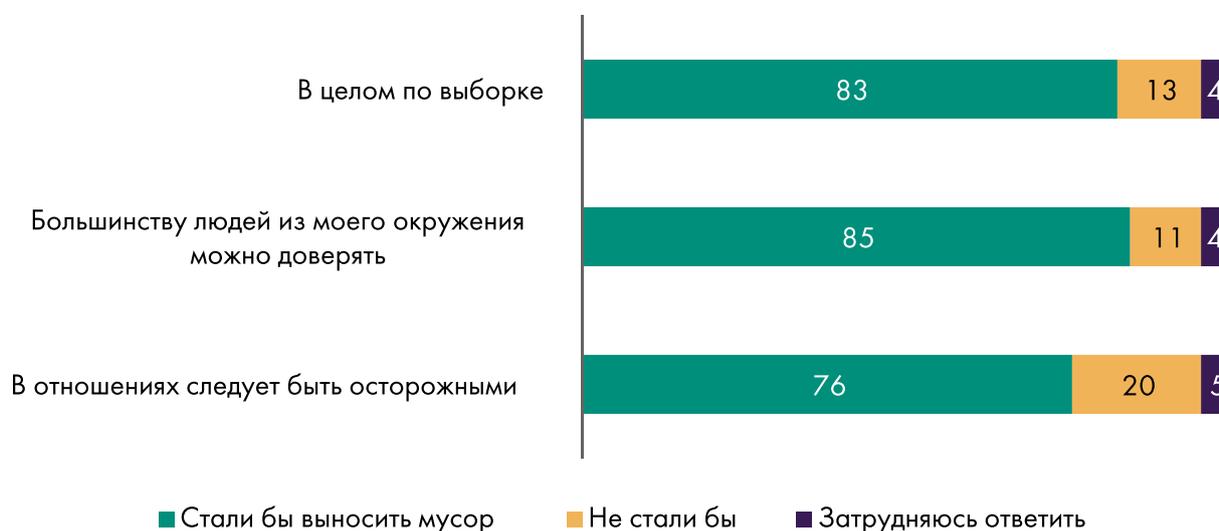
Аналогичная ситуация наблюдается и в распределении респондентов по субъективному ощущению счастья. Счастливые россияне в большей степени готовы к объединению, нежели те, кто не ощущает себя счастливым. Также более склонны к объединению волонтеры и делающие денежные пожертвования россияне, в особенности те, кто участвует в такой деятельности часто.

Таким образом, данные исследований подтвердили высокую готовность россиян объединяться перед лицом угрозы распространения коронавируса. Многочисленные примеры показывали, что современные информационные технологии помогали распространять новые инициативы взаимопомощи и расширять круг заинтересованных участников. Режим самоизоляции, безусловно, создавал серьезные препятствия для участия в добровольческих инициативах, что, однако, не снижало запрос на объединение, а высвечивало недостаток инфраструктурной и организационной поддержки таких инициатив. Система информирования о местоположении людей, нуждающихся в помощи, их потребностях, ориентация потенциальных добровольцев относительно пользующихся спросом конкретных видов онлайн-помощи, а также обеспечение добровольцев индивидуальными средствами защиты, страховкой и льготами на проезд помогали актуализировать высокий потенциал активных граждан к объединению в непростых условиях пандемии.

Кроме готовности объединяться с другими людьми, важное значение для реализации потенциала гражданского участия имели доверие и чувство ответственности у россиян в период пандемии — они оказались довольно высокими. Доверие на дальней социальной дистанции (незнакомым людям) составляло 26 %, и это почти самый высокий результат за весь период наблюдений в рамках мониторинга. Доверие на ближней социальной дистанции (своему непосредственному окружению) составляло 75 %. Оно было положительно связано с готовностью помогать соседям и незнакомым нуждающимся людям, оказавшимся в условиях самоизоляции (рис. 1). Как отмечали участники онлайн-фокус-групп, дальнейшему укреплению доверия — как между людьми, так и общественным, властным институтам, — могут служить такие факторы, как стабилизация экономической ситуации, улучшение информирования населения о финансовых, правовых и юридических вопросах, связанных с последствиями пандемии коронавируса, государственная помощь медицинскому сообществу, бизнесу и населению в трудных экономических условиях.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если бы Ваши соседи оказались на самоизоляции, то стали бы Вы выносить за них мусор, упакованный по всем правилам, или нет?»

(% от опрошенных в целом и по группам)

Многие россияне ощущали ответственность на различной социальной дистанции: 90 % опрошенных чувствовали ответственность за происходящее в семье, у себя на работе — 60 %, в своем доме, дворе — 77 %, в городе/селе — 70 %, ответственность за страну испытывали 64 %, за ситуацию в мире — 55 %. В 2020 году можно было наблюдать наивысший уровень ответственности за происходящее в стране и в населенном пункте за последние пятнадцать лет. Чувство ответственности прак-

тически на всех социальных дистанциях больше было свойственно респондентам, которые заявляли о готовности помогать нуждающимся людям, испытывающим сложности в связи с эпидемией, а также тем, кто имел опыт волонтерства (табл. 1). Чувство ответственности побуждало людей соблюдать карантинные меры.

Таблица 1. Ответы на вопрос: «В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит...?»

(% по выборке в целом и в группах)

	Население в целом	Готовность помочь самоизолирующимся		Опыт помощи самоизолирующимся		Опыт волонтерской деятельности	
		Готовы	Не готовы	Приходилось	Не приходилось	Приходилось	Не приходилось
...происходит в Вашей семье?							
Чувствуют ответственность	90	92	86	94	91	92	88
Не чувствуют ответственности	7	6	11	5	6	6	8
...происходит у Вас на работе?							
Чувствуют ответственность	59	65	49	67	64	65	55
Не чувствуют ответственности	17	16	20	16	16	15	19
...происходит у Вас в доме, во дворе, где Вы живете?							
Чувствуют ответственность	76	83	67	84	82	81	74
Не чувствуют ответственности	18	13	26	13	14	15	20
...происходит в вашем городе (селе, поселке)?							
Чувствуют ответственность	69	76	57	77	76	76	65
Не чувствуют ответственности	24	19	35	19	19	20	27
...происходит в стране?							
Чувствуют ответственность	64	70	54	68	71	69	61
Не чувствуют ответственности	28	23	36	27	22	23	30
...происходит в мире?							
Чувствуют ответственность	55	61	44	62	61	59	53
Не чувствуют ответственности	35	30	45	32	30	31	38

Несмотря на то, что ощущение ответственности более распространено, чем ощущение возможности повлиять на происходящее, свое влияние россияне также оценивали достаточно высоко, особенно в сравнении с прошлыми годами: 90 % респондентов считали себя способными в той или иной мере влиять на про-

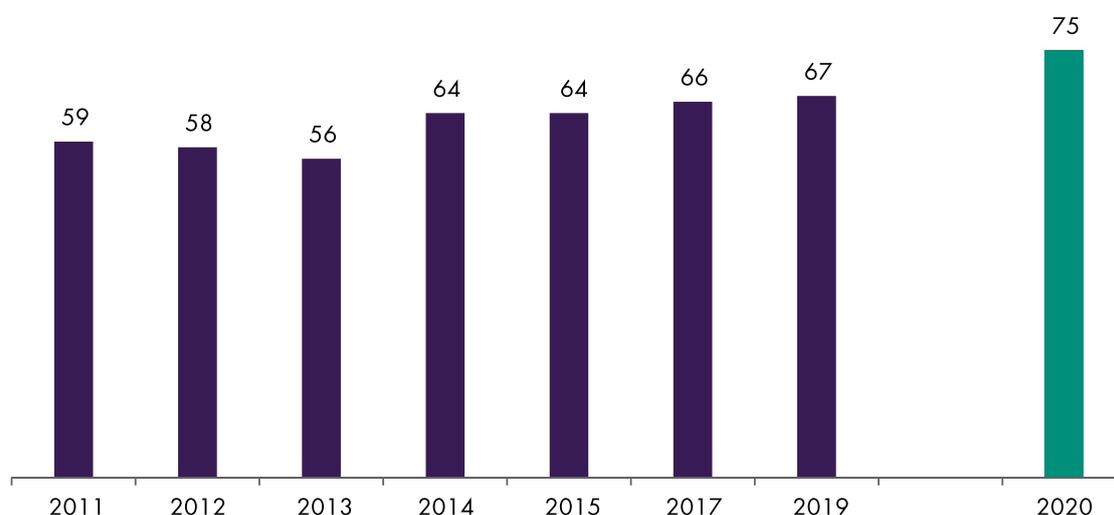
исходящее в семье, 80% — во дворе/доме, где проживают, 59% — на работе, 60% — на ситуацию в населенном пункте и 49% и 39% соответственно — на происходящее в стране и мире. Положительные оценки своего влияния на происходящее более свойственны общественно активным гражданам: волонтерам, людям, готовым помогать другим при режиме самоизоляции, тем, кто положительно оценивал возможности быть общественно активным человеком в России.

Таким образом, во время пандемии значительно возросло доверие на ближней дистанции (рис. 2), а доли тех, кто ощущает ответственность за положение дел в стране, как и доли ощущающих способность повлиять на него, повысились беспрецедентно — в два раза, о чем свидетельствуют данные Мониторинга состояния гражданского общества НИУ ВШЭ (с 24% до 41% и с 9% до 18% соответственно). Но при этом заметно снизилась доля тех, кто ощущал свою ответственность за происходящее в своем доме, во дворе. Правда, сложно было испытывать такое чувство, а тем более ощущать, что можешь повлиять на происходящее, глядя из окна на огороженные детские площадки, лавочки и пустые дворы.

Никоим образом не игнорируя явления обеспокоенности и депрессии, особенно в первую волну пандемии, следует отметить, что доминирующей общественной реакцией на пандемию стало ощущение солидарности, выраженное в практических действиях. В частности, эпидемиологический вызов спровоцировал всплеск волонтерской активности по всей России, что лишний раз подтверждает высокую ресурсность волонтеров с точки зрения совместного решения острых проблем общества.

**Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос:
«Если говорить о людях, которые окружают лично Вас,
то большинству из них можно доверять или в отношениях с ними
следует быть осторожными?»**

(доля тех, кто выбрал вариант ответа «большинству из них можно доверять», динамика 2011–2020), %

Волонтерство

В усилиях профилактики распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и по борьбе с ее последствиями можно выделить следующие особо востребованные направления деятельности волонтеров:

- ⇒ помощь в снабжении людей из групп риска товарами первой необходимости;
- ⇒ помощь в медицинских учреждениях, поддержка медицинского сообщества;
- ⇒ психологическая помощь и поддержка заболевшим коронавирусом и тем, кто находится в состоянии тревоги;
- ⇒ юридическая помощь заболевшим коронавирусом и членам их семей.

Зачастую можно заниматься волонтерством, не обладая специальными навыками. Однако в ситуации пандемии возникла большая потребность в добровольцах, имеющих медицинское, психологическое, юридическое образование. Так, около 150 добровольцев — профессиональных переводчиков работали над переводами исследований, протоколов лечения и гайдов по коронавирусной инфекции COVID-19, помогая отечественным врачам быть в курсе медицинских новостей со всего мира². Консультации от волонтеров-психологов поддержали врачей в условиях многократно возросшей психологической нагрузки³. Добровольцы-психологи работали с людьми, испытывающими повышенную тревожность и панику в связи с эпидемией коронавируса и вынужденной изоляцией⁴.

В общей сложности 38 % россиян имели опыт волонтерской деятельности, полученный в течение предшествовавшего пандемии года. Однако необходимо учитывать, что речь здесь идет о любых волонтерских активностях, в том числе единичных, эпизодических и неорганизованных. При этом волонтерской деятельностью через какую-либо организацию в 2019 году занимались только 3 % россиян, что говорит о невысоком уровне институционализации добровольческой деятельности в стране. Подтвердили, что после начала эпидемии коронавируса участвовали в волонтерской деятельности в организации, также 3 % респондентов. Таким образом, эпидемия не сказалась на численном приросте организованных волонтеров, но и не привела к численному их сокращению. Тем не менее группа организованных волонтеров пандемического периода только на треть состоит из тех, кто был занят волонтерской работой в прошлом календарном

² Волонтеры — медикам: переводчики и психологи в борьбе с коронавирусом // РИА новости. 25.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200325/1569098770.html>.

³ Там же.

⁴ Красноярские психологи бесплатно консультируют не справляющихся со стрессом горожан // Агентство социальной информации. 30.03.2020. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2020/03/30/regions-krsk-goryachaya-liniya/>.

году. На место покинувших в силу разных обстоятельств волонтерскую группу россиян (в основном из-за режима самоизоляции и ухудшения материального положения) пришли те, кто помогал людям в прошлом году (90%), но в неорганизованной форме. Эти люди совершали благотворительные пожертвования — 59%, оказывали помощь незнакомым людям — 66%, были донорами крови и плазмы — 20%, оказывали помощь продуктами и вещами нуждающимся через организации — 49%.

Россияне, занятые волонтерской деятельностью после начала эпидемии, отличаются от тех, кто действовал как доброволец в предшествовавшем пандемии году. Среди общего у них лишь высокая интернет-активность и широкий спектр видов помощи людям, которые они практикуют или практиковали. Еще отметим, что волонтеры — это почти всегда молодые люди не старше 40 лет, но в группе добровольцев 2019 года более заметна доля самого молодого возраста — 18—30 лет (38%), а среди волонтеров периода эпидемии больше присутствуют россияне в возрасте от 31 до 40 лет.

Также волонтеров периода пандемии от среднего россиянина отличало хорошее здоровье, более активная онлайн-жизнь (ежедневный выход в интернет), «беспроблемное» общение в онлайн- и офлайн-сообществах («Легко [участвовать в сообществах] и в интернете, и в реальной жизни»), оптимистическое отношение к своему будущему, высокий уровень доверия к людям. Наконец, каждый второй участник организованной формы волонтерства считал себя «безусловно счастливым» человеком, среди россиян таковых только треть.

Таким образом, в условиях пандемии волонтерские практики получили еще более широкое распространение в нашей стране. Это не уникальный случай: российское общество, которое за свою историю много раз сталкивалось с кризисными ситуациями, войнами, эпидемиями, неоднократно было вынуждено активно мобилизоваться, чтобы отвечать на вызовы времени.

Благотворительность

Солидарность во время пандемии также проявлялась в благотворительной деятельности. Во время пандемии представители и бизнеса, и некоммерческого сектора реагировали на призывы помочь в общей борьбе с ней или сами инициировали благотворительные акции. Поддержку получал персонал медицинских организаций. Так, благотворительные фонды «Правмир» и «Созидание» открыли сбор денег для помощи медицинским работникам, закупили средства индиви-

дуальной защиты в больницы⁵. Благотворительный фонд DOSTYP инициировал акцию #боремсявместе для обеспечения врачей и медперсонала питанием и кофепойнтами в больницах — проект поддержали 25 партнеров в четырех городах⁶.

Многие россияне тратили собственные средства на борьбу с распространением коронавирусной инфекции и последствиями пандемии. К примеру, дизайнер из Москвы для помощи медикам организовал сообщество 3D-мейкеров, которые на своих принтерах, используя собственные средства для закупки расходных материалов, печатали изделия: защитные щитки для врачей, переходники для фильтров, держатели для масок и др.⁷ Исследование Deloitte описывает новый тренд, свойственный молодому поколению: во время самоизоляции 41 % потребителей поддержали любимые магазины и кафе (в том числе маленькие), а также бизнес, обеспечивающий безопасность в своих точках⁸.

Если суммировать полученные нами результаты исследований филантропической активности рядовых россиян во время пандемии, то стоит отметить следующее. Россияне, продолжая исторические традиции благотворительной помощи и взаимопомощи во время эпидемий и других чрезвычайных ситуаций, активно оказывали финансовую помощь близким: родным, друзьям, соседям, знакомым помогали три четверти от числа опрошенных по общероссийской выборке. Незнакомым людям помогали втрое меньше респондентов — 25 %, благотворительным и религиозным организациям — 32 %. Каждый второй россиянин финансово поддержал близких людей в период эпидемии (рис. 3).

Объем денежных пожертвований неизвестным людям гораздо меньше, нежели близким: если родственникам и близким людям не менее двух третей жертвователей помогали суммами, превышающими 1000 рублей (64 %), то неизвестным людям жертвовали свыше 1000 рублей чуть более трети жертвователей (36 %). Большая же часть — 45 % — предоставляла помощь в размере, не превышающем 1000 рублей. Если за 100 % взять весь объем финансовых пожертвований (близким и неизвестным людям, а также благотворительным организациям), то на долю пожертвований близким и друзьям придется 72 %, а на долю помощи неизвестным людям — 11 %.

⁵ Благотворительные фонды открыли сбор денег для помощи врачам // Благотворительный фонд Правмир. URL: <https://fond.pravmir.ru/causes/vrachi-na-peredovoj/>.

⁶ Доступ к добру. Как 28-летняя москвичка основала фонд поддержки молодых онкологов и кормила врачей в пандемию // Forbes. 15.09.2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/408783-dostup-k-dobru-kak-28-letnyaya-moskvichka-osnovala-fond-podderzhki-molodyh>.

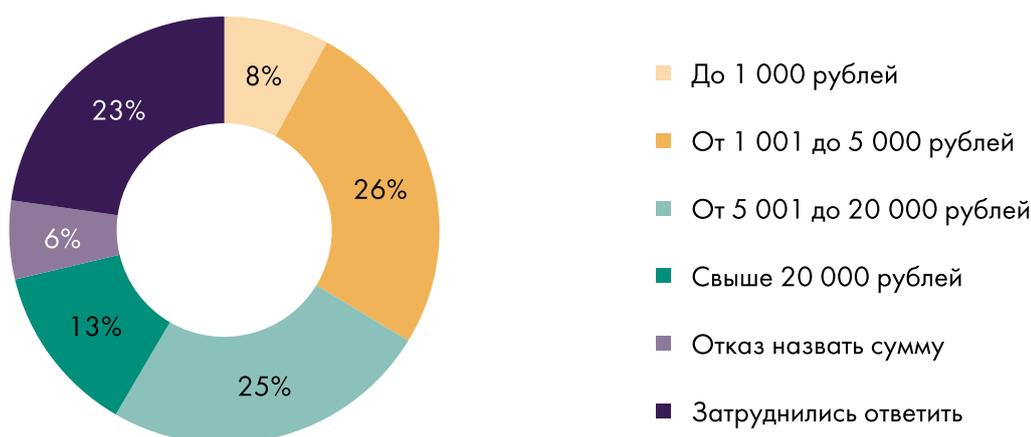
⁷ Мейкеры против COVID-19 // Медиазона. 20.11.2020. URL: https://zona.media/article/2020/11/20/help?fbclid=IwAR0i2sZ0pxdF_O5Sbdt8z-KmkhNX6lm7ol9EZ0pVaQyW9MNtycPL9TiPeE.

⁸ Более 40 % россиян помогли любимым кафе и магазинам в пандемию // РБК. 02.10.2020. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/10/2020/5f74aa159a79470d43a6a6e0?fbclid=IwAR36b6DM6XTQ7EXson2rLggWICqBsXznznDcHvz2MzMKViXgC-qobZPF6Pk>.

**Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос:
«Вы указали, что оказывали финансовую поддержку близким людям
в период эпидемии. Скажите, пожалуйста, какова примерно общая сумма
оказанной Вами помощи близким людям в период эпидемии?»**

(% среди жертвователей близким людям)

Объем финансовой помощи близким людям

Наиболее щедрые жертвователи незнакомым людям встречаются среди мужчин от 18 до 50 лет, среди жертвователей со средним общим образованием, не состоящих в браке, а также среди тех, кто с оптимизмом оценивает свое будущее материальное положение, и среди мусульман. Кроме того, с более высоким размером денежных пожертвований незнакомым людям положительно связано и занятие теми или иными видами добровольческой деятельности, в том числе в период пандемии: постоянная практика пожертвований благотворительным организациям, передача продуктов или вещей в организации, которые распределяют помощь нуждающимся, а также предоставление безвозмездной помощи в соответствии со своей профессиональной деятельностью.

Благотворительным организациям в большей степени по сравнению со средне-статистическим показателем жертвовали москвичи, мужчины от 25 до 54 лет, семьи с несовершеннолетними детьми, с хорошим здоровьем и доходом, оптимистично оценивающие свое ближайшее материальное будущее, ежедневные пользователи интернета, а также граждане исламского вероисповедания. Как видим, жертвователи благотворительных организаций — это ресурсные категории граждан — обладающие материальным, информационным и, если так можно выразиться, духовным ресурсом для возможности оказывать денежную помощь. Некоторое сходство с ними — в части половозрастных, семейных и мировоззренческих характеристик — имеют те, кто в период пандемии оказывал финансовую

поддержку незнакомым людям. К этой категории жертвователей также в большей степени относятся мужчины от 25 до 54 лет, семьи с несовершеннолетними детьми, мусульмане и верующие других конфессий (не православные и не мусульмане). Религиозные организации чаще поддерживали женщины от 55 лет и старше, а также представители православного и исламского вероисповедания и других конфессий, оптимистично оценивающие свое ближайшее материальное будущее. Что касается финансовой поддержки близких людей, то здесь показатели поддержки дифференцирует только уровень материального благосостояния семьи респондента: чем он выше, тем чаще человек оказывает денежную помощь близким.

Сфера здравоохранения получала наибольшую финансовую помощь в период эпидемии — две трети жертвовали ей (66%), а в расчете от всего объема потраченных жертвователями денег сфера здравоохранения получила 53%, то есть половину всего объема. При этом на фоне среднестатистического жертвователя денежную поддержку в сфере здравоохранения чаще оказывали те, кто практиковал благотворительные пожертвования в 2019 году. Финансовая помощь от граждан благотворительным организациям в сфере социальных услуг оказывалась в 2,5 раза реже — 26%, в религиозной сфере — в 4 раза реже (16%), а в сфере защиты окружающей среды — в 6 раз реже (11%).

Таким образом, всероссийский опрос показал, что россияне помогали финансово не только своим близким и друзьям, но и незнакомым людям, а также религиозным и благотворительным организациям, хотя число таких жертвователей ожидаемым образом было в два-три раза меньше, а объемы денежных средств в четыре-шесть раз меньше по сравнению с помощью близким людям.

* * *

Результаты исследования подтверждают тезис о том, что благотворительность и волонтерство являются действенными механизмами гражданского участия, они вовлекают россиян в конструктивную общественную активность во время пандемии. Однако наиболее заметные тренды, проявившиеся в ситуации высокой неопределенности во время пандемии, сохранятся и в дальнейшем и определяют перспективные формы гражданского участия в посткризисный период.

Во-первых, растущая популярность виртуального волонтерства и расширение его функционального диапазона позволяют говорить о том, что данный формат, который развивался как реакция на социальное дистанцирование в условиях пандемии, станет важной и самостоятельной практикой гражданского участия в последующий период.

Во-вторых, институциональные изменения в секторе негосударственных некоммерческих организаций, возможное сокращение их численности, переориентация сфер деятельности в связи с растущим запросом на оказание гуманитарной помощи, социальных услуг, поддержки людей уязвимых категорий, помощи медицинским учреждениям, увеличат потребность в деятельности социальных волонтеров. Однако предстоит большая работа НКО в данном направлении, чтобы выйти хотя бы на докризисный уровень.

В-третьих, использование потенциальных возможностей реализации субъектной роли НКО в новых сферах и партнерствах (взаимодействие с экологически и социально ответственным бизнесом, компаниями, заинтересованными в продвижении культуры ответственного потребления и производства) откроет для экологических волонтеров новое поле деятельности, ранее практически не освоенное.

В-третьих, цифровое волонтерство и новые инструменты интернет-фандрайзинга будут развиваться в ответ на широкомасштабную цифровизацию деятельности НКО, рост цифровых компетенций и развитие инновационных видов деятельности в режиме онлайн.

В-четвертых, будут развиваться формы гражданского участия, нацеленные на соблюдение прав человека в условиях быстро происходящей цифровой трансформации во всех сферах жизни.

Неизбежные перемены ожидают сектор НКО и НКО в отдельности, играющие важную роль в мобилизации россиян на гражданское участие. Во время пандемии им тоже сильно досталось. Существенно сократилась финансовая база, что поставило под удар не только инфраструктурные, образовательные и проекты развития НКО, но и текущую деятельность организаций, связанную с оказанием услуг. При этом потребности благополучателей НКО возросли: подопечные НКО оказались одними из наиболее уязвимых социальных групп в условиях пандемии и не могли справиться с возросшими трудностями без поддержки и помощи извне. Также НКО испытывали типичные для малого и среднего бизнеса трудности: необходимость оплачивать аренду, нести административные издержки, сохранять оплату труда персоналу в условиях финансового кризиса. В конечном счете НКО необходимо адаптироваться к изменившимся условиям своего функционирования, чтобы, выполняя функцию организации и мобилизации россиян на гражданское участие, выйти на новый уровень как межсекторных, так и внутрисекторных партнерств, нацеленных на противодействие возможным рискам и ликвидацию последствий кризиса.

**АЛЬШАНСКАЯ
ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА**

президент благотворительного фонда
«Волонтеры в помощь детям-сиротам»

ВОЛОНТЕРСТВО: ГОСУДАРСТВЕННОЕ VS ГРАЖДАНСКОЕ

Одиннадцать лет назад, первого марта 2010 года, в пять утра по московскому времени на арене BC Place в Ванкувере под звуки гимна России и над огромной ареной был торжественно поднят российский флаг, а весь стадион окрасился в цвета триколора. За минуту до этого мэр Ванкувера и президент Международного Олимпийского комитета Жак Рогге передали олимпийский флаг мэру Сочи Анатолию Пахомову. С этой минуты Россия официально стала страной, принимающей у себя [следующие Олимпийские игры 2014 года](#)¹.

Согласно подписанному с МОК соглашению, кроме обеспечения всей спортивной инфраструктуры страна, принимающая олимпиаду, брала на себя обязательства организовать участие волонтеров в проведении и организации Олимпиады. Выбор России как места для проведения Олимпиады состоялся еще в 2007 году, но, видимо, только после официальной передачи олимпийского флага встал вопрос о том, как обеспечить волонтеров.

Можно сказать, что с этого момента в России начинается история официальных взаимоотношений волонтерства и государства, а также зарождается система организованного государством добровольчества.

До этого волонтерство (добровольчество) развивалось сугубо в формате низовой гражданской активности, в рамках деятельности некоммерческих организаций или самостоятельных незарегистрированных волонтерских групп. Законодательное

¹ См.: Церемония закрытия XXI зимних Олимпийских игр. Полная хроника // РИА Новости. 01.03.2010. URL: <https://ria.ru/20100301/211472109.html>.

определение добровольческой деятельности появилось в нашей стране только в 1995 году в рамках федерального закона «О благотворительной деятельности». Под добровольчеством в нем понималась благотворительная деятельность в виде безвозмездного выполнения работ или оказания услуг благотворительным организациям. Активное развитие общественных объединений в конце 1980-х и начале 1990-х годов было взрывным, но законодательно не регулировалось. Объединения так и назывались — «неформальные», и не столько в силу их андеграундности, но просто потому, что никаких законных и урегулированных «формальных», самостоятельных и независимых от государства и коммунистической партии объединений граждан до 1995 года не существовало. В целом до середины 2000-х серьезной поддержки со стороны государства некоммерческий сектор и добровольческие инициативы на себе не ощущали. Выживали самостоятельно кто как мог. И, конечно, нельзя было ожидать серьезного уровня развития при отсутствии достаточной поддержки, ресурсов для этого развития.

Термин «волонтерство» впервые появился в законодательстве исключительно в отношении волонтеров, задействованных в проведении Олимпиады 2014 года, в специальных нормативно-правовых актах, регулирующих ее проведение.

Я хорошо помню этот период — примерно 2010—2011 годы, может, на год-два раньше, — когда буквально каждой второй НКО, работавшей с волонтерами, включая нашу, поступали звонки от государственных органов с вопросом, могут ли они обеспечить какое-то количество волонтеров на Олимпиаду. НКО, работавшие в социальной, экологической, культурной и иных далеких от проведения спортивных мероприятий сферах, конечно же, не могли и никаким образом не обеспечили бы необходимое количество и требуемый уровень подготовки волонтеров. Это дело пытались поручить отделениям «Росмолодежи», комитетам по делам с молодежью, но было очевидно, что с заявленной задачей они в одиночку могут не справиться. В результате было принято политическое решение, и в 2011 году в стране открылись государственные центры по подготовке и обучению волонтеров к Олимпиаде. Основы подготовки волонтеров изучали на международных программах, обучая тренеров у зарубежных коллег. В итоге к 2014 году государству удалось создать вполне качественные центры по подготовке добровольцев. На Олимпиаде в Сочи приняло участие 25 000 волонтеров, уровень их подготовки был высоко оценен Олимпийским комитетом.

Так в нашей стране появилось государственное волонтерство. Центры начали работать над подготовкой волонтеров к другим большим событийным мероприятиям (Универсиада, Чемпионат мира по футболу и т. п.). Добровольческие центры с самого начала помимо общего рекрутинга наладили плотное взаимодействие с вузами, студенты которых становились основным ресурсом, привлекаемым

Фото: исполнительная дирекция Зимней универсиады.
Из открытых источников

на организацию мероприятий. Сегодня они входят в Ассоциацию волонтерских центров, которая, помимо этих центров, объединяет большинство вузовских центров по работе с волонтерами, а также ряд некоммерческих организаций.

В итоге сформировались и начали сосуществовать две параллельные, практически не пересекающиеся системы: государственное, поначалу преимущественно событийное добровольчество и добровольчество, развивавшееся с 1990-х годов в гражданской, общественной сфере, направленное на решение самых разнообразных задач: от помощи взрослым и детям в трудных ситуациях до тушения пожаров и поиска людей.

Независимое добровольчество обладало рядом довольно неудобных для государства характеристик. Прежде всего неудобно было то, что это не единая структура, у нее нет никаких признаков, которые позволяли бы объединять разрозненные группы между собой. Добровольцы, решающие социальные, экологические, любые другие задачи, объединяются локально, вокруг территорий или проблемных тем. Они объединяются сами, или их могут набирать любые некоммерческие организации. Это просто разнонаправленная свободная гражданская активность. В результате невозможно взаимодействовать с этими группами как с сообществом, невозможно через простую коммуникацию с лидерами контролировать их деятельность. С точки зрения современного государственного мышления, присущего нашей современной системе управления, которая стремится все категоризировать, объединить и создать механизмы контроля и управления,

подобная рассредоточенная и неорганизованная гражданская активность в форме добровольчества не обладает качествами, позволившими бы с ней взаимодействовать в удобном для госорганов формате.

Восприятие добровольчества в гражданской сфере существенно иное. Оно воспринимается как свободный порыв взять на себя больше ответственности за создание общественного блага. Это максимально индивидуализированное желание любого человека решать какие-то значимые для местного сообщества, общества или даже мира в целом задачи или проблемы. Объединение в группу для решения этих задач тоже воспринимается как максимально свободное самостоятельное решение, которое можно в любой момент отменить.

Поэтому, как мне кажется, долгое время меры поддержки и поощрения добровольчества формировались исключительно в расчете на государственное, понятное, отрегулированное, хорошо организованное и управляемое добровольчество.

Приведу пример, объясняющий, как работает этот подход. Примерно с 2013—2014 года на уровне министерства образования начали активно обсуждать возможность учета добровольческой деятельности при поступлении в вузы. Добровольческая деятельность должна была давать дополнительные баллы для поступающих. Мы участвовали в ряде таких встреч. Главный запрос государства был в создании единой системы учета и верификации всех добровольцев. Так как у НКО есть свои системы работы с добровольцами, включая их учет, идея делать сквозную единую государственную базу, куда каждая НКО обязана была бы заносить своих добровольцев, не встретила понимания и поддержки в общественном секторе, тем более добровольцы, работающие в этом секторе, — это чаще всего не школьники, для которых вопрос баллов при поступлении был бы максимально актуален. А идея доступа государства к информации обо всех добровольцах, помогающих сектору, или обязательности занесения сведений о них в общую базу (со всеми соответствующими рисками) не выглядит нормальной для концепции гражданского добровольчества.

В результате был принят ряд законопроектов, в которых профильные вузы наделялись возможностью учитывать баллы при поступлении. По сути, порядок, в котором это было принято, просто оставил за рамками весь недостаточно договороспособный и непрозрачный для государства третий сектор.

Баллы начисляются волонтеру, который принесет личную книжку волонтера. Личная книжка волонтера — это документ, выдача которого регулируется субъектами РФ, и во всех известных мне субъектах порядок их выдачи не только определяется государственным органом, но и выдается тоже исключительно органом государственной власти.

В субъектах Российской Федерации порядок выдачи Личной книжки волонтера определяется органами исполнительной власти, реализующими государственную молодежную политику или по их поручению государственными/муниципальными учреждениями, обеспечивающими возможность оказания услуг и проведения мероприятий, направленных на вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность².

Некоммерческие организации, фонды, группы волонтеров, работающие самостоятельно, не могут выдать своему волонтеру личную книжку волонтера. Его опыт работы в негосударственной организации, таким образом, не может быть учтен для поступления в вуз. Всей волонтерской работы, которая существует в третьем секторе, для государства как будто нет.

Ряд государственных региональных центров, заведующих выдачей волонтерских книжек, решают этот вопрос, заключая соглашения с НКО и выдавая в рамках этого соглашения личные книжки волонтеров. Эти личные книжки — с названием и символикой государственного органа (например, комитета по делам молодежи) или уполномоченного государственного центра по работе с волонтерами (например, «Мосволонтер» в Москве), по сути, обезличивают работу добровольца в НКО.

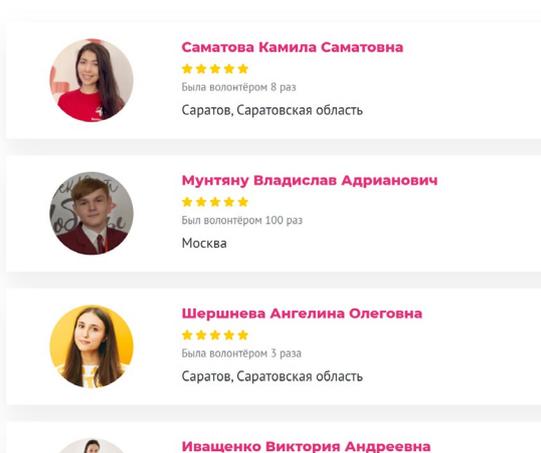
Возникла еще одна инициатива, которая могла бы снять эту проблему, дав возможность добровольцам получать личные книжки не только в уполномоченных на их выдачу госучреждениях. Ассоциация волонтерских центров создала единый портал добровольчества. Это было поручено Ассоциации в рамках реализации нормативно-правовых документов, изданных после Года добровольчества, а также появившегося в 2018 году закона о добровольчестве (путем кардинального изменения закона о благотворительной деятельности, который теперь называется «Закон о благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»).

Отныне любой человек, зарегистрированный на этом едином портале, может получить личную книжку добровольца в электронном виде. Более того, она автоматически присваивается пользователям, зарегистрированным в ЕИС «DOBRO.RU». В этой схеме, как мы видим, опять нет негосударственного сектора, зато есть реализованная идея единого государственного портала учета всех добровольцев России.

Судя по последним социологическим опросам, государство видит большой потенциал в теме развития добровольчества и вряд ли откажется от права собственности на эту сферу. Доверие к государственным институтам сегодня в обществе доволь-

²Главный документ добровольца: Что такое паспорт волонтера и зачем он нужен? // РИА Новости. 25.04.2018. URL: <https://sn.ria.ru/20180425/1519404040.html>.

Найдено 2052217 совпадений

Саматова Камила Саматовна
★★★★★
Была волонтером 8 раз
Саратов, Саратовская область

Мунтяну Владислав Адрианович
★★★★★
Был волонтером 100 раз
Москва

Шершнева Ангелина Олеговна
★★★★★
Была волонтером 3 раза
Саратов, Саратовская область

Ивашенко Виктория Андреевна

Из открытых источников

но низкое. Исследование [«Российское поколение Z»: установки и ценности](#), проведенное в 2019–2020 годах немецким Фондом им. Фридриха Эберта совместно с «Левада-центром», говорит о том, что уровень доверия и к государству, и к его институтам стабильно низок, однако есть исключения. Как пишут авторы, это волонтеры (им доверяют 49% опрошенных), армия (44%) и президент (42%)³. Знаковым здесь является не только тот факт, что волонтерам

россияне доверяют больше, чем армии и президенту, а то, что независимый исследователь считает волонтеров частью государственных институтов. ВЦИОМ в апреле 2020 года предоставил [данные опроса](#) россиян о готовности оказывать помощь людям на карантине и их оценке волонтерской деятельности в условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации. По результатам опроса, «Три четверти россиян (74%) считают, что волонтеры оказывают существенную помощь населению в условиях распространения коронавируса»⁴.

Могу предположить, что одной из причин такой высокой оценки стала история крупного добровольческого проекта, который государственные организации реализовали, взаимодействуя с некоммерческим сектором во время пандемии. Речь идет о проекте «Мы вместе».

Весной 2020 года, когда на страну обрушился пандемийный кризис, Ассоциация волонтерских центров совместно с Общероссийским народным фронтом (общественное движение, созданное в мае 2011 г. по инициативе президента РФ Владимира Путина) и с движением волонтеров-медиков (всероссийское движение волонтеров, студентов медицинских вузов, созданное при поддержке Министерства здравоохранения РФ) запустила движение «Мы вместе». Оно организовало бесперебойную работу горячей линии для людей в возрасте 65+ (позже категории были расширены), помимо консультирования и информирования про разные аспекты, связанные с пандемией, стало партнером Минтруда и соцзащиты в снабжении людей помощью в регионах, включая проект по снабжению врачей средствами защиты. Организация существовала как на средства, через которые ОНФ и другие участники коалиции субсидируются из бюджета, так

³ См.: Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. Российское «поколение Z»: установки и ценности 2019/2020. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>.

⁴ Волонтеры против коронавируса // ВЦИОМ. 24.04.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/volontery-protiv-koronavirusa>.

и на отдельные субсидии и крупные пожертвования ведущих российских компаний, получив почти два миллиарда рублей пожертвований. Однако прозрачной информации о финансировании движения, а также его расходах, в открытом доступе нет. На сайте движения говорится о 186729 волонтеров, которые присоединились во время пандемии. Это еще один пример крайне успешного опыта «государственного» добровольчества. Но есть нюанс.

Начнем с того, что в большинстве регионов партнерами движения «Мы вместе» стали давно работающие локальные НКО, организации, оказывающие помощь разным категориям населения. Эти НКО становились провайдерами ресурсов, которые поступали в проект, и по сути занимались всеми вопросами на местах. На сайте проекта указано, что у движения 9738 партнеров, однако кто из них коммерческая организация, передавшая помощь, а кто НКО, чьи волонтеры, организовавшие процесс помощи, как раз составили почти 190 тысяч участников проекта, неизвестно. Списков НКО, работавших на местах, на сайте нет. По сути, все эти локальные НКО были поглощены в медийном пространстве большим государственным брендом, их работа стала просто работой одного из 9738 партнеров, а привлеченные ими и помогающие в рамках этих НКО волонтеры — единицами среди 186729 волонтеров, присоединившихся к движению «Мы вместе».

История этого проекта стала мощным примером пиара добровольчества — как решения сложного пандемического кризиса. В ситуации снижения доверия государственным институтам это было почти гениальное решение. Государство решало часть проблем руками волонтеров, вкладывая в это свои ресурсы, но не получая в ответ никакого негатива, а лишь позитивное восприятие этого решения вместе с ростом вовлеченности людей во взаимопомощь.

[На своей странице в социальной сети Facebook](#) я обратилась к коллегам с просьбой рассказать, как видят они эту большую коллаборацию с государством, которая случилась во время пандемии⁵. Показательным тут можно считать не только то, что пишут представители негосударственного сектора, но и то, что почти все конкретные истории никто не рискнул выложить в публичный доступ, половина дискуссии происходила в личных сообщениях. Опыт этой коллаборации, а также ее отсутствия оставил у НКО, которые помогали в пандемию, двойственное впечатление.

Так, почти никто не получил от государства напрямую поддержку во время пандемии в своей работе с подопечными. К примеру, для получения разрешения на передвижение в условиях карантина, для помощи своим подопечным в большинстве

⁵ СМ.: Елена Альшанская // Facebook. 13.03.2021. URL: <https://www.facebook.com/ElenaAlshanskaya/posts/4207108889307279>.

регионов надо было записывать своих волонтеров как волонтеров «Мы вместе» или через региональные добровольческие центры, по сути, анонимизируя свою деятельность в качестве НКО. В большинстве регионов не были предусмотрены форматы помощи напрямую общественным организациям, не через индивидуальную регистрацию их волонтеров как волонтеров другого, государственного проекта. Некоторые коллеги почувствовали себя использованными, так как для того, чтобы оказывать помощь, они должны были «отдать» своих волонтеров в списки другой организации. Некоторые, напротив, оценили этот опыт как усиление своего ресурса через «принадлежность» большому государственному проекту и не считали значимым тот факт, что их волонтеры должны были еще где-то регистрироваться как волонтеры, раз это давало дополнительные возможности — где-то разрешение на перемещение по городу, где-то бесплатные средства индивидуальной защиты, где-то дополнительную материальную помощь, которую раздавали волонтеры НКО в коллаборации с проектом «Мы вместе».

Судя по живому отклику граждан на такие инициативы, можно предположить, что дело было не в желании увеличить численные показатели волонтеров за счет волонтеров НКО. Скорее, как и в истории с волонтерской книжкой, государство не понимает, как взаимодействовать с разрозненными независимыми гражданскими инициативами, как их верифицировать, поэтому предпочитает просто создавать параллельные удобные и понятные для себя структуры и механизмы, в которые НКО могут встраиваться, если хотят получить часть «бонусов» для волонтеров, участвующих в их проектах.

Нельзя сказать, что государство совсем не видит некоммерческий сектор или не способно с ним взаимодействовать. Государство в целом довольно активно вкладывается в развитие некоммерческого сектора, Фонд президентских грантов каждый год раздает все больше государственных средств и охватывает все большее количество территорий. Тем не менее вопрос взаимодействия с государством и совместного решения задач стоит крайне остро: какой вид партнерства видят государство и общественный сектор? можно ли назвать партнерством невидимое и непроявленное участие? может ли история развития добровольчества быть историей взаимодействия свободных инициатив и историей поддержки негосударственного сектора и объединений низового активизма? может ли быть партнерство на равных таких неравновесных по ресурсу и возможностям и, что тоже имеет значение, таких разных по охвату и масштабу структур?

Уровень доверия добровольчеству становится хорошо конвертируемой медийной ценностью. Чем закончится эта история, мы пока не знаем. Ответов у меня нет, есть только вопросы. Станет ли добровольчество исключительно государственным проектом? Научится ли наше государство поддерживать тех, кто им не является?

**БИЗЮКОВ
ПЕТР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ**

ассоциированный сотрудник СИ РАН,
руководитель независимого проекта
«Мониторинг трудовых протестов»

КАК И ПОЧЕМУ ПРОТЕСТУЮТ РАБОТНИКИ В РОССИИ

Протесты работников: сколько и где

Трудовые протесты — парадоксальное явление: их много, но о них почти ничего не говорят. В стране каждый день работники разными способами высказывают претензии к работодателям или обращаются к тем, кто на них может повлиять. Однако если сравнивать количество обсуждений в отечественной прессе, посвященных BLM, «желтым жилетам» или захвату конгресса трампистами, с тем, сколько внимания уделяется протестам работников, их голодовкам и даже бунтам, с тем, что говорится о шквале видеообращений медиков с требованиями выплатить им деньги за работу в условиях пандемии, о бесконечных и безуспешных акциях таксистов и курьеров против цифровых платформ, то соотношение не в пользу наших протестующих. Обычно об очередной забастовке сообщает региональное издание, выдавая информацию об акции работников с большим или меньшим количеством подробностей, в лучшем случае к статье прикрепят пару фото или небольшое видео. Еще может быть подробный разбор многолетней истории, как на предприятии или в организации последние годы менялись начальники, какие заказы были получены, какие банки выделили или не выделили кредиты, как губернаторы и мэры рассматривали проблемы и т. п. Но практически не встречается рассуждений о том, почему, например, возникла такая ситуация, что люди, работающие на улице, не были снабжены зимней спецодеждой и три месяца не получали зарплату. Не расследуется, почему в селах в сибирском регионе непонятная аутсорсинговая фирма за полгода работы формирует у местных кочегаров пятимесячную задолженность и в морозы ставит их на грань забастовки. Не обсуждается, по какой причине постоянно бастуют таксисты «Яндекса», почему-то признанного «лучшим работодателем страны».

Обычно в таких случаях говорится: да, есть проблемные места, не у всех все получается, но в общем и целом поводов для беспокойства нет. Служба госстатистики уверяет, что в 2020 году было всего две забастовки¹. Но даже беглый просмотр новостей показывает, что в реальности их намного больше — речь идет о сотнях случаев. Такое расхождение объясняется тем, что статистические органы фиксируют только законные забастовки, формируя картину, которая к реальности не имеет никакого отношения. Дело в том, что в законе предлагается скорее «запретительная» процедура организации законной забастовки. Чтобы бастовать, по закону требуется множество подготовительных процедур, собраний, оформление документов, которые надо проводить в строго определенных сроки и на все это требуется несколько недель². Но не сроки и сложность процедуры сделали из нее «запрещающее разрешение», а то, что работодатель может с легкостью ее сорвать на любом этапе, поэтому предыдущие действия обнуляются и надо начинать все заново. Создана ситуация, когда запретительная процедура обуславливает ничтожное количество забастовок, и через это формируется представление об отсутствии социальной напряженности в сфере труда. По данным независимого аналитического проекта «Мониторинг трудовых протестов»³, в 2020 году работа в знак протеста останавливалась 129 раз. Иногда это были просто стихийные забастовки, иногда (очень редко) так называемые остановки работы в соответствии со статьей 142 Трудового кодекса «из-за более чем двухнедельной задержки зарплаты», а иногда работники не могли выполнять свои обязанности из-за неисправного оборудования, недопустимых условий труда и т. п.

Правда, дело не только в остановках работы, которые, по причине их разнородности, приходится объединять термином «стоп-акция». Многим работникам, тем же врачам, отдельным категориям транспортников, коммунальщиков запрещено бастовать. Но от этого их проблемы не исчезают, и они возмущаются нарушением своих прав, но используют другие формы протеста без остановки работ. Таких акций в минувшем году состоялось 308, а в сумме зафиксировано 437 трудовых протестов. Среднегодовое количество протестов за период с 2008 по 2020 год составляет 304 акции, максимум достигнут в 2020 году: число протестов выросло на 5% по сравнению с предыдущим рекордом 2016 года (419 протестов).

¹ Занятость и безработица // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020). Глава 61. «Рассмотрение и разрешение коллективных трудовых споров».

³ «Мониторинг трудовых протестов» — независимый информационно-аналитический проект, в рамках которого собирается и анализируется информация о трудовых протестах, то есть о публичных трудовых конфликтах, данные о которых опубликованы в интернете. В базе данных Мониторинга собрана информация о 3952 протестах за период с 2008 по 2020 год (156 месяцев). Подробнее о результатах и методике Мониторинга можно ознакомиться на сайте <http://www.trudprotest.org>.

Из открытых источников

Протесты равномерно распределены по территории страны. Показатель территориальной распространенности протестов, вычисляемый как доля субъектов федерации, где были зафиксированы протесты, к их общему числу, постоянно увеличивался и в 2020 году составил 91 % (среднее значение за 13 лет — 74 %). Образно выражаясь, распространенность показывает площадь, по которой размазан «слой протестности», она постоянно увеличивается и близка к максимуму. А толщину этого слоя показывает другой показатель — протестная нагрузка на один регион (среднее количество протестов в регионах, где были зафиксированы выступления работников). В 2020 году он составил 5,7 протеста на регион, в котором зафиксированы протесты (среднее значение за период наблюдения — 4,7). Если продолжать аналогию с площадью и толщиной слоя, то он с каждым годом размазывается все шире и его толщина становится все больше.

Важный параметр — отраслевая динамика протестов. До 2012 года главным источником протестов были промышленные отрасли, на их долю приходилось от 40 % до 56 % от числа всех акций. Это были классические случаи — организованные в профсоюзы работники борются за свои права. Но с 2013 года ситуация стала меняться: все больше протестов фиксировалось в таких отраслях, как городской транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, то есть там, где преобладала так называемая неформальная эко-

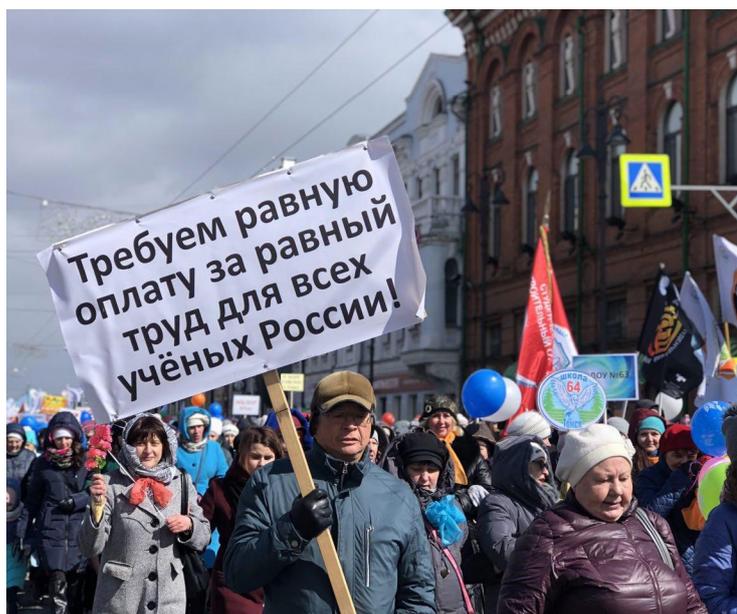

Фото: Юлия Фаллер

номика⁴. К 2017 году на долю отраслей, где не было профсоюзов и преобладали неформальные трудовые отношения, приходилось уже 44 %, а доля протестов в промышленности снизилась до 27 %.

Однако на этом изменения отраслевой динамики не прекратились. Со второй половины 2018 года начался сперва медленный, а потом все более быстрый рост доли протестов в бюджетной сфере, а точнее в здравоохранении. В 2019 году доля выступлений медиков выросла с 9 % в 2018 году до 27 %, сравнявшись с такими традиционно протестными отраслями, как промышленность и транспорт, а в 2020 году намного опередила их — 37 % от общего числа протестов (промышленность — 21 %, неформальные отрасли (суммарно транспорт, строительство, ЖКХ) — 31 %). Таким образом, центр напряженности сместился из неформальной зоны экономики, где нет институционального регулирования, в бюджетную, где вроде бы есть профсоюзы, преобладают стандартные формы занятости — но где все это скорее формально. Официальный профсоюз медиков крайне пассивен, два альтернативных профсоюза слабы и малочисленны — всем заправляют медицинские и региональные чиновники, которые в последние годы активно реорганизуют и оптимизируют (а на деле — сокращают) персонал и расходы, трансформируют медучреждения. Конечно, в 2020 году на резкий рост протестности в здравоохранении повлияла пандемия и вызванные ею ухудшения условий труда, нехватка средств защиты, массовые невыплаты зарплаты и задержки дополнительных выплат. Но центром социально-трудовой напряженности медицина стала еще в 2019 году, до эпидемии, которая только усугубила и катализировала то, что началось ранее.

⁴ Под неформальной экономикой здесь понимаются отрасли, где ослаблен государственный учет, где используются «серые» схемы для ухода от налогов. Трудовые отношения в этом секторе отличаются тем, что они либо вообще не оформляются, либо существуют только «на бумаге», рабочее время не лимитировано, оплата зависит не от количества и качества работы, а от произвола работодателя или способности работников «выдавливаться» ее из нанимателя. К таким отраслям традиционно относятся строительство, коммунальное хозяйство, такси, торговля и др. О сдвиге трудовых протестов в сферу неформальной экономики см.: Бизюков П. В. Трудовые протесты в России: территориальная и отраслевая локализация в 2008—2016 гг. // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 75—100. <https://www.doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-75-100>.

Таким образом, отраслевая динамика последних лет показывает, что напряженность — это результат отсутствия институциональных механизмов регулирования трудовых конфликтов. Там, где есть традиции улаживания противоречий на основании закона, соглашений и т. п., там конфликтов, а значит и протестов, меньше. И наоборот, где институциональные механизмы отсутствуют или они слабы — там напряженность растет.

Почему и как протестуют работники

Если говорить о *причинах протестов*, то за все годы наблюдения удалось выделить одну главную, по сути дела, суперпричину — полная или частичная невыплата заработной платы. Почти всегда она была на первом месте: на ее долю в разные годы приходилось от 35 % до 56 % от числа всех протестов⁵. Лишь дважды, в 2012 и 2013 годах, доля протестов из-за невыплат не была главной и снижалась до 34 % и 29 % соответственно. Но с 2014 года опять начался рост, и в 2020 году почти каждый второй протест (49 %) был вызван невыплатами. Причем нужно отметить одну особенность: чем больше доля протестов из-за задержек зарплаты, тем меньше удельный вес других причин, таких как режим труда, условия, увольнения, реорганизации и др. Значимость других причин нарастала только тогда, когда уменьшалось количество выступлений из-за невыплат. Именно это и позволяет считать невыплаты суперпричиной, которая затмевает все другие проблемы, деактуализирует остальные поводы для возмущения.

Но, пожалуй, важнее не то, «где» протестуют и «почему», а «как». *Формы протестов* значительно изменились именно в последние годы⁶. Обычно под трудовым протестом понимается забастовка, но доля протестов, в ходе которых работа останавливается на всем предприятии или в нескольких подразделениях (стоп-акция), в среднем составляет 29 %, а в 2020 году — и вовсе 20 %. Столь низкая доля стоп-акций объясняется тем, что в большинстве случаев это незаконные забастовки, на которые работники решались только из-за отчаянного положения, например из-за длительной задержки зарплаты, то есть их нарушение было вынужденным. На такие случаи правоохранительные органы, как правило, закрывают глаза, ведь тогда придется наказывать не только работников, но и работодателей, которые создают эти задержки.

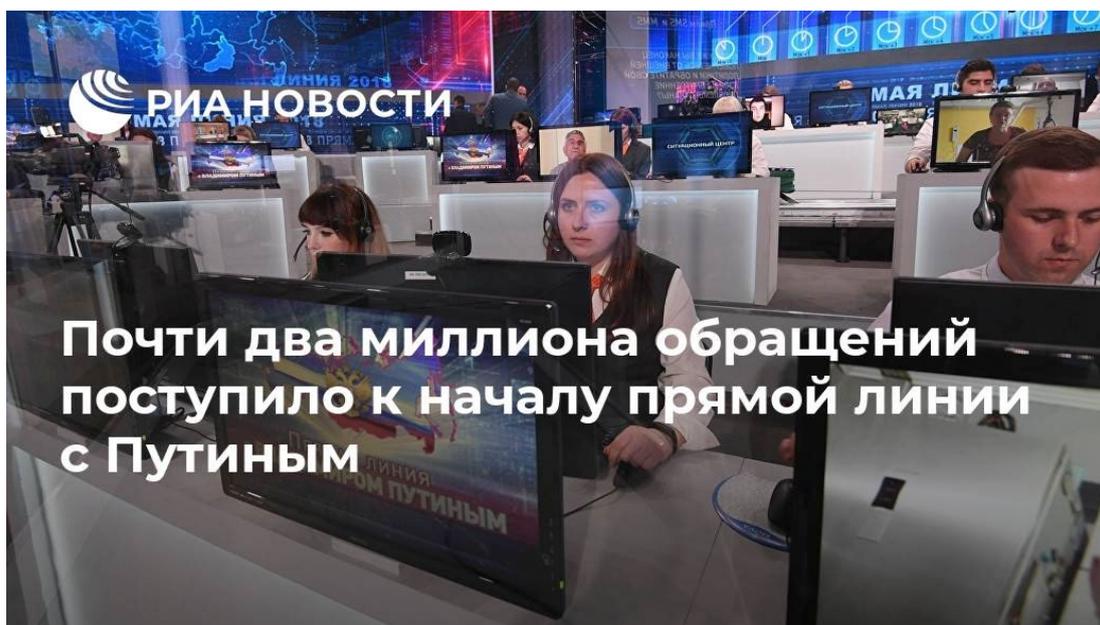
⁵ Нужно иметь в виду, что в ходе одного протеста работники могли выдвигать сразу несколько требований. В данном случае речь идет об акциях, в которых невыплаты зарплаты были единственной или одной из нескольких причин.

⁶ Как и в случае с причинами, в рамках одного протеста могло использоваться сразу несколько форм — митинги, остановка работы, голодовка и т. п.

А вот доля легитимных акций, таких как трудовые споры и остановка работ из-за длительных невыплат зарплаты (статья 142 ТК РФ), крайне мала: в сумме она никогда не превышала 11% (2009), а в среднем удельный вес легальных протестов составил 7,1%. Для сравнения: средняя доля сверхрадикальных акций, таких как голодовки, перекрытие трасс и захваты предприятия, выше — 9,9%.

Но в 2020 году существенно изменилось то, как работники выражали свой протест. Во-первых, самой распространенной формой стало видеообращение — это когда группа сотрудников от нескольких человек до нескольких десятков собирается (на рабочем месте, возле офиса, на улице и т. п.) и записывает видеоролик, где обращается с высказыванием своих претензий. Такая форма протеста встречалась и раньше и рассматривалась как «митинг на рабочем месте», но это случалось нечасто (в среднем 8,1% от числа протестов), а в 2020 доля такой формы протеста подскочила до 22%! Главный прирост обеспечили медики, хотя было немало подобных обращений от учителей, коммунальщиков и работников промышленных предприятий. Популярность видеопротеста объясняется просто: быстро собрались, быстро записали, быстро залили на YouTube — и готово! Сделать это, как оказалось, могут не только жители больших городов, но и медики сельских больниц, работники закрываемых градообразующих предприятий в глубокой провинции, вахтовики на далеком Севере. Их проблемы в считанные часы становились известны так же широко, как если бы они выступили на главной площади областного центра. Об эффективности такой формы протеста свидетельствует реакция властей и работодателей. Почти мгновенно появлялись комиссии, которые внезапно прибывали во все глухомани, где работники осмеливались высказать возмущение. Приезд начальства сопровождался стандартным набором последствий — что-то частично решали, на кого-то давили за «вынос сора из избы», но было и такое, что снимали провинившееся начальство, полностью решали названные работниками проблемы.

Во-вторых, каждый второй протест минувшего года сопровождался обращением к властям (президенту, премьер-министру, губернатору, мэру, в правоохранительные органы и даже к депутатам!). Такие обращения стали набирать популярность в последние годы, и их доля в среднем составляла 21,2%, но в 2020 году она достигла 50%. Чаще всего это одновременное обращение и к своему работодателю, и к власти. Но появились десятки случаев, когда протестующие сразу обращались к руководству городов, регионов и страны, минуя работодателя. Причем речь идет не только о бюджетниках, но и о работниках частных предприятий. Это значит, что работодатель перестает быть в глазах своих сотрудников фигурой, к которой нужно обращаться для решения трудовых проблем, и это демонстрирует глубокую дефективность процедуры регулирования трудовых противоречий.

Современная правовая система подразумевает, что власти совместно с профсоюзами и работодателями разрабатывают и закрепляют в законе правила для участников трудовых отношений, по которым те разрешают противоречия внутри предприятий и организаций, не вынося возникающие проблемы в социум. Но именно этого и не происходит — ведь, записывая, например, свои протестные видео, работники перед перечислением проблем сначала указывают, что они обращаются к президенту (правительству, губернатору и т. п.). Почему? Только по одной причине — говорить с работодателем бесполезно. В бюджетных отраслях это еще можно понять: там главврач, директор школы, театра и т. п. — фигура, зависящая от местных чиновников. Но то же самое делают работники закрывающихся частных предприятий, вахтовики, нанятые субподрядчиком большой нефтегазовой стройки, наконец, таксисты, заключившие договор с цифровым агрегатором. Они не видят в пределах закона возможности повлиять на своего работодателя, поэтому ищут некую высшую силу, способную оказать давление на того, кто их нанял и кто создает им проблемы. Ярче всего это показывают протесты работников цифровых платформ, превращенных благодаря правовой казуистике в «независимых» подрядчиков. Таксисты и доставщики еды в минувшем году провели десятки акций только ради того, чтобы те, кого они считают своим работодателем, хотя бы выслушали их. Добиться этого удалось лишь в единичных случаях, и то благодаря вмешательству чиновников или правоохранительных органов. Но власти не должны становиться непосредственными участниками трудового конфликта — иначе им придется встать на сторону либо предпринимателей, либо работников, правда, при этом они неизбежно будут терять свой авторитет в глазах тех или других, а точнее — и тех, и других!

○ Если оставить все, как есть...

Ситуация опасна не только этим. Возникающие разногласия разрешаются не по правилам, а исходя из сиюминутных интересов и соотношения сил акторов, вовлеченных в протест, их влиятельности и сложившихся предпочтений, а разработанное для этой цели законодательство остается в стороне — оно есть, но не используется. Происходит отказ от институционального регулирования в пользу того, что называется *ручным управлением*.

Что в итоге? Трудовые протесты — это острые нерешенные конфликты, которые не удается удержать в рамках фирмы, предприятия или организации. Они повсеместны, случаются почти во всех регионах. Больше всего их в тех отраслях, где сейчас самая тяжелая ситуация — в здравоохранении. Сложившаяся там в результате всяких оптимизаций и реорганизаций система и раньше продуцировала высокий уровень конфликтности, но, попав под эпидемиологический пресс, привела к взрывному количеству протестов. Об этом же говорит набор причин, заставляющих людей протестовать: невыплаты, недоплаты, уменьшение окладов, да и просто задержки зарплаты по непонятным причинам — индикаторы того, что механизм согласования размера вознаграждения за труд работает из рук вон плохо. Медики ожидают денег, которые им, оказывается, не положены или положены, но позже, или положены сразу, но не выплачиваются. В стране с мощнейшим управленческим аппаратом не было создано четкого и понятного механизма вознаграждения оплаты труда тех, кто работал на переднем крае борьбы с инфекцией.

Однако самое важное: набор применяемых форм протеста ярко показал, что чаще всего используемый и эффективный способ решения проблем работников — это челобитная. Только нужно ее правильно подать и адресовать — «достучаться до небес». Разумеется, сегодня не надо ждать проезда высочайшего кортежа или падать на колени перед «сиятельством», но суть от этого не меняется. Массовые видеообращения к властям — это не способ правового разрешения противоречий, это не из арсенала действий наемного работника, обладающего правами и опирающегося на закон, а такой же бунт неправых, как и раньше, только в цифровую эпоху.

Политологи и социологи часто говорят о том, что люди политически и социально пассивны, равнодушны к демократическим свободам. При этом мало кто обращает внимание на «коридор возможностей» работников. Могут ли они свободно, не боясь давления и увольнения, высказывать свою позицию по поводу ситуации на своем предприятии, рабочем месте? Есть ли возможность вести переговоры и заключать договор с работодателем не на его условиях, а с учетом своих ин-

тересов? Имеют ли они право не согласиться и заблокировать неприемлемую инициативу работодателя? Можно ли защитить себя, не прибегая к челобитным или экстремальным акциям? Ведь трудовые права — это то, что близко и нужно каждый день. Растущее от года к году количество протестов говорит, что легальных способов уладить противоречия нет и институт регулирования трудовых конфликтов не работает, а следствием этого становится рост социальной напряженности в сфере труда. Конечно, современные российские протесты — это локальные и изолированные акции, участники которых не всегда могут добиться даже своих требований, не говоря уже о социально-экономических и политических изменениях. Но всегда есть опасение, что однажды состоится качественный скачок и трудовые протесты сольются в один большой или срастутся с другими, в которых сегодня нет недостатка. Реализуется ли этот риск? Ответ будет получен тогда, когда это состоится. Пока же можно с уверенностью зафиксировать, что ситуация движется к этому пределу, а не от него.

**РАСХОДЧИКОВ
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ**

кандидат социологических наук,
сопредседатель Фонда
«Московский центр урбанистики „Город“»

ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: СИЛА НЕФОРМАЛИЗОВАННЫХ СООБЩЕСТВ

Формальные общественные объединения и сетевые инициативы

Системный кризис представительной демократии¹, развивающийся в том числе под влиянием интернет-технологий, неизбежно затрагивает третий сектор экономики. Некоммерческие или общественные организации в демократической парадигме рассматриваются как один из системных элементов взаимодействия между государством и обществом, отвечающий за социальное представительство и перенос социальных проблем отдельных сообществ на уровень государственной политики. Развитие интернет-технологий, прямых и быстрых способов коммуникации ставит под сомнение необходимость посредников, заставляя теоретиков все чаще говорить о переходе к различным формам прямой демократии. Идеи «делиберативной демократии», «совещательной демократии» и «демократии участия» все чаще обсуждаются как в научном дискурсе, так и в реальной политике, а новые технологии позволяют переводить социальные проблемы в политические требования через создание интернет-движений и онлайн-платформ для петиций. Неудивительно, что в последние годы мы все чаще слышим речи о кризисе НКО, снижении числа общественных организаций и доверия к ним со стороны граждан. По данным американской исследовательской компании Edelman, на начало 2019 года общественным организациям в России доверяло всего 23 % участников опроса².

¹ Крауч К. Постдемократия. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.

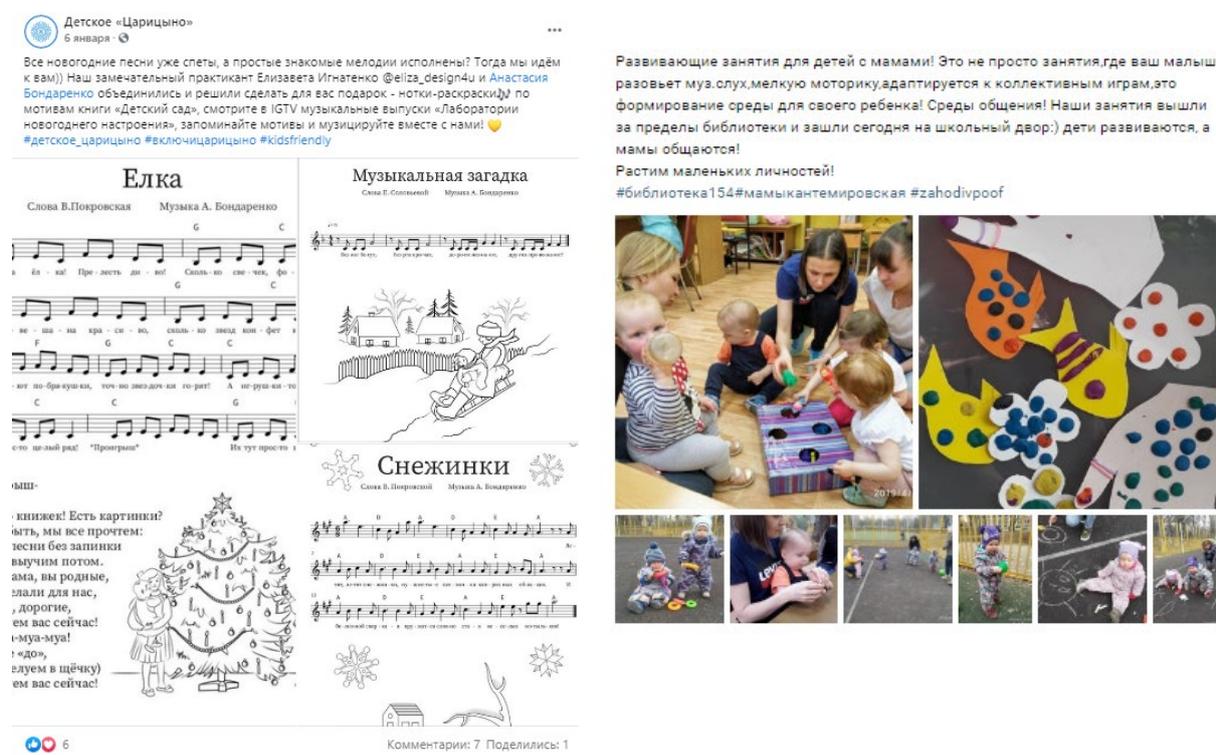
² 2019 Edelman Trust Barometer global report. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf.

В то же время многолетние исследования Агентства социальных исследований «Столица» и Московского центра урбанистики процессов группообразования в социальных онлайн-сетях демонстрируют обратную тенденцию. Мы наблюдаем сотни виртуальных объединений пользователей, деятельность которых направлена на решение тех или иных проблем, защиту общих интересов, благотворительные и правозащитные цели. Эти объединения, как правило, не зарегистрированы в Минюсте, многие не имеют юридического статуса и четкой структуры органов управления. Соответственно, они не попадают в поле внимания государственных органов, отвечающих за развитие НКО, не могут претендовать на гранты и государственную поддержку.

При этом цели и методы работы этих неформальных объединений позволяют называть их общественными организациями, пусть и неформализованными.

Для наглядности приведем простые примеры из наших исследований в Москве и других регионах. Обычный район Москвы «Царицыно», группы «Мамочки ЦОП (Царицыно-Орехово-Парк)» и «Детское „Царицыно“» в социальной сети «ВКонтакте» — уже по названиям видно, что эти сетевые группы занимаются помощью семьям с детьми (рис. 1). На страницах групп мы видим консультации, объявления о проведении мероприятий, благотворительных акций, форумы по обмену детскими вещами и колясками.

Рисунок 1. Публикации сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

Контент-анализ сообщений на страницах сетевых сообществ района по методу типологизации виртуальных групп³ позволяет выделить в этом районе Москвы более 50 групп, отвечающих признакам общественных объединений. Среди них молодежные сообщества, группы клубного типа, группы по интересам (табл. 1).

Таблица 1. Результаты экспертной кодировки групп и публичных страниц социальной сети «ВКонтакте» района Царицыно (Москва)

№	Типологизация	Кол-во групп	Кол-во участников	Кол-во групп по индикаторам*			
				Инд. 1	Инд. 2	Инд. 3	Инд. 4
1	Общерайонные сетевые СМИ	28	49 141	23	13	0	14
2	Общественные объединения и активисты	5	27 204	3	2	1	3
3	Молодежные группы	19	35 610	2	2	3	3
4	Группы органов власти и МСУ	7	17 718	2	1	1	1
5	Группы политических партий и движений	2	6 895	1	1	1	1
6	Группы по интересам	14	16 218	2	2	5	1
7	Материнство и детство	15	3 757	0	0	2	0
8	Реклама/объявления	30	54 269	0	0	0	0
9	Группы для рекламы и бизнеса	24	32 242	0	0	0	0

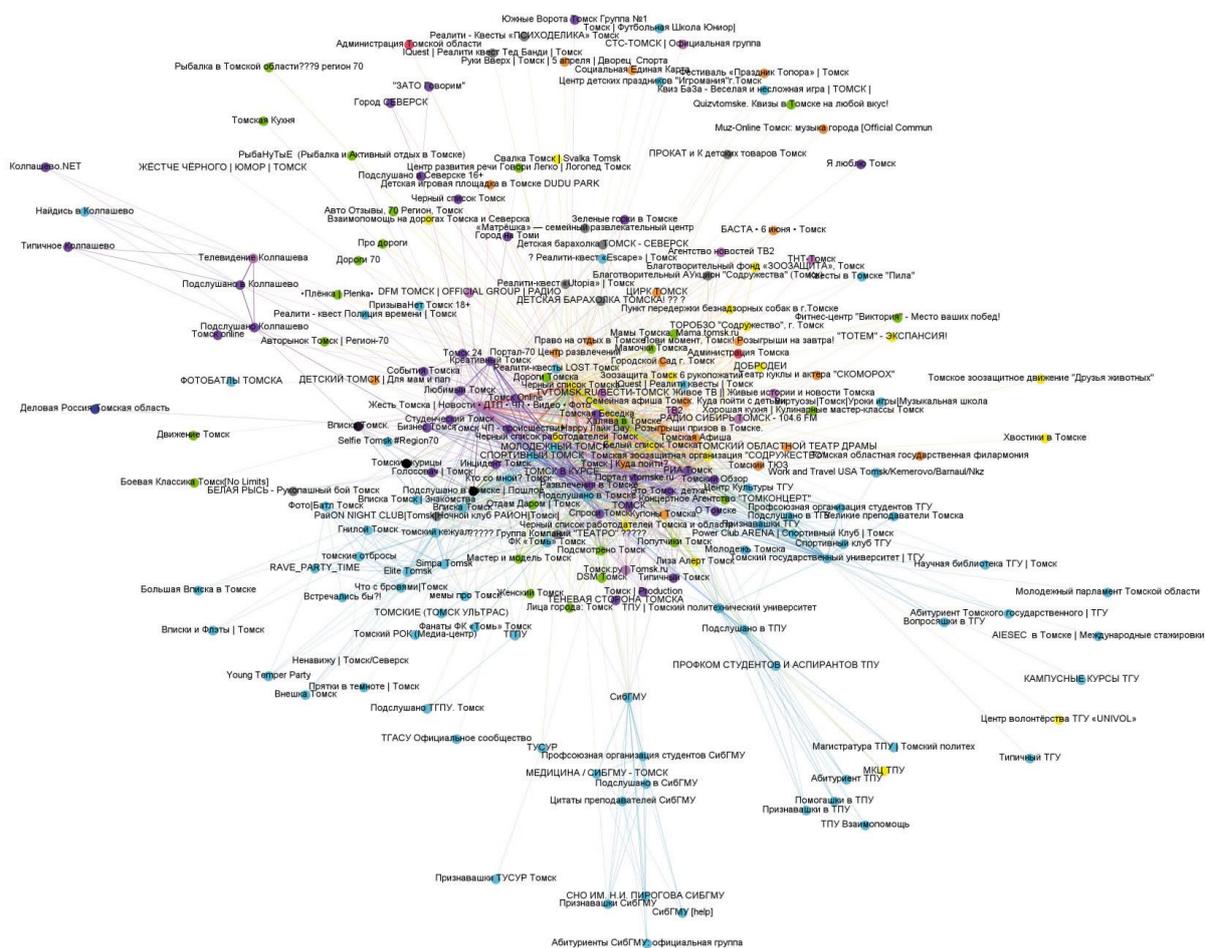
* Индикаторы отображают присутствие в виртуальных сообществах различных признаков проявления субъектности: И1 — наличие публикаций по проблемам города/района, И2 — наличие реакции на действия органов публичной власти, И3 — проведение офлайн-мероприятий, И4 — наличие публикаций политической направленности.

Сервисы социальных онлайн-сетей позволяют не только довольно быстро набирать участников и единомышленников, но и образовывать вертикальные и горизонтальные связи между группами. На примере исследования молодежных сетевых групп Томска мы можем увидеть весьма четкую структуру связей между этими виртуальными сообществами. Как правило, схожие по интересам сетевые

³ Расходчиков А. Н. Информационно-коммуникационные технологии взаимодействия органов власти и населения мегаполиса в процессе реализации градостроительных проектов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М.: Институт социологии РАН. URL: www.isras.ru/index.php?page_id=568&id=6308&p&printmode.

группы связаны как с похожими сообществами в других городах, так и с крупными структурами федерального уровня (рис. 2)⁴.

Рисунок 2. Картирование групп в Томке, уровень связей 1200 совместных участников, без центральных городских групп⁵

Признаки и классификация виртуальных общественных объединений

По каким признакам мы можем отнести то или иное сообщество в социальной сети к общественной организации? В научной литературе и нормативных до-

⁴ Градосельская Г. В., Расходчиков А. Н. Два сценария будущего молодежи: результаты картирования групп социальной сети «ВКонтакте» на примере Томска // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 4. С 50—68.

⁵ На рисунке приведена визуализация картирования молодежных групп Томска в социальной сети «ВКонтакте». Связи между группами построены на основе совместного участия пользователей. Сеть централизована, обладает выраженной структурой: в центре находятся общегородские группы, вокруг них можно выделить отдельные кластеры по интересам.

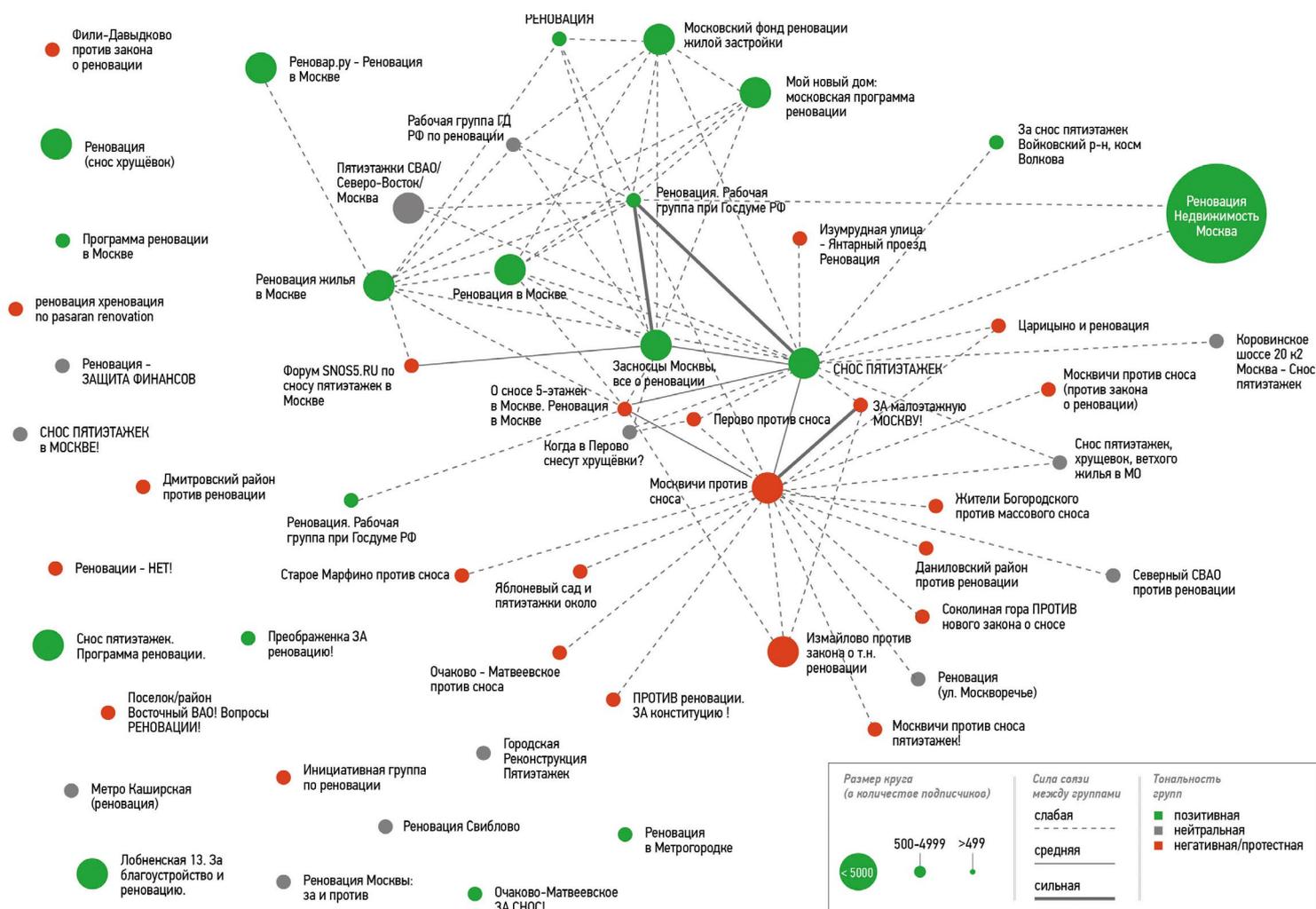
кументах существует определенная путаница с определением, классификацией и функциями общественных организаций. В результате попытки Минюста и Минэкономразвития РФ составить реестр социально ориентированных общественных объединений были подвергнуты во многом справедливой критике в средствах массовой информации. На наш взгляд, наиболее адекватной реальностям деятельности общественных объединений пока можно назвать проблемно ориентированную типологизацию, используемую рядом отечественных ученых⁶. В своих работах коллеги выделяют:

- ⇒ «организации взаимопомощи», объединяющие людей со схожими проблемами — к этому типу можно отнести сетевые группы автомобилистов, сообщества инвалидов, многодетных или одиноких матерей, студенческие сообщества, группы помощи пропавших питомцев и т. д.;
- ⇒ «организации клубного типа» — в сети наиболее массово представлены различными творческими и музыкальными сообществами, группами по организации квестов различных игр, сообществами, посвященными саморазвитию, духовным практикам и религиозным направлениям;
- ⇒ «организации социальной направленности» — чаще всего в социальных сетях можно встретить в виде благотворительных групп по сбору вещей, помощи домам-интернатам и детским домам, групп зоозащитников и приютов домашних животных;
- ⇒ «экологические организации» — широко представлены в сети в виде сообществ экомониторинга и экоактивистов, групп по защите природных парков, водоемов и лесных массивов, обществ защиты исторических памятников и архитектурных ансамблей в городах;
- ⇒ «правозащитные организации» — широкий спектр сообществ от групп обманутых дольщиков, сообществ, консультирующих по вопросам трудовых споров и призыва в армию, до защитников прав различных меньшинств и заключенных.

Реальная жизнь, даже в ее виртуальной сетевой проекции, разнообразнее теоретических классификаций. В социальных онлайн-сетях мы встречаем также многочисленные группы против строительства (одних только групп по теме реновации жилья в Москве насчитывается до 230) (рис. 3), сообщества отдельных районов и просто сетевые проекты «подслушано», «типичный» и т. д., в которых в том числе проводятся акции взаимопомощи и обсуждения общественно значимых проблем и вопросов.

⁶ Например: Боронникова Е. В., Кузнецова Л. А. Некоммерческие организации как социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 1. С. 68—69; Бунеева Р. И. Теоретические аспекты развития некоммерческих организаций (на примере организаций потребительской кооперации). М.: Изд-во ЭФ МГУ, 2010.

Рисунок 3. Картирование групп по теме реновации в социальной сети «ВКонтакте» (2019 г.)⁷

Вторая реальность и коммуникационные разрывы

Распространение интернет-технологий породило глубокий коммуникационный разрыв между властью и обществом, особенно представителями нового поколения. О причинах и возможных негативных последствиях такого существования в разных мирах мы уже писали в предыдущих работах⁸. Недавние молодежные протесты, к сожалению, подтвердили справедливость наших опасений. Различия ценностей

⁷ На рисунке представлена визуализация групп, созданных по теме реновации жилого фонда Москвы в социальной сети «ВКонтакте». Связи между группами построены на основе совместного участия пользователей. На основе контент-анализа публикаций выделены группы сторонников (зеленые) и противников (красные) реновации, группы со смешанным контентом (серые) отнесены к нейтральным. На основе связей можно наблюдать структуру взаимодействия групп противников и сторонников реновации.

⁸ Расходчиков А. Н. Информационно-коммуникационное взаимодействие власти и общества: в поиске эффективных технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 263–273.

и жизненных установок, отсутствие понимания между поколением, воспитанным в виртуальной реальности, и управленцами, до последнего времени игнорировавшими онлайн-коммуникации, породило опасную общественную ситуацию, когда у конфликтующих сторон уже практически нет общих тем для диалога.

Вторая реальность (по М. Кастельсу) интернета и социальных сетей долгие годы развивалась спонтанно, в отсутствие внимания со стороны государства. За это время в онлайн-среде сформировались новые практики взаимодействия, распространения информации и группообразования, а также иная культура, язык и ценности. В том числе, как показывают наши исследования, создаются, развиваются и умирают тысячи сообществ, посвященных решению различных проблем, по сути своей деятельности отвечающие признакам общественных организаций. Эти неформальные объединения, как и многие процессы в интернете, долгие годы оставались «в тени», не учитывались при формировании государственных программ и проектов развития НКО. Они научились выживать за счет собственных средств участников и пожертвований неравнодушных к проблеме людей. Можно наблюдать, как формируется культура прозрачности в расходовании средств и финансовой отчетности перед жертвователями. В отсутствие регулирования и сложных бюрократических процедур, присущих процессу выделения грантов, эта система отчетности формируется естественным образом в удивительно простых и понятных формах. Что неудивительно, ведь выживание этих неформальных сообществ зависит от уровня доверия к ним неравнодушных граждан, а не от связей в донорских фондах.

Конечно, спонтанное сетевое группообразование порождает и социально вредные сообщества, такие как нашумевшие группы «детского суицида», многочисленные «вписки», полукриминальные сообщества «пацанов на районе» и т. д. Немало случаев и недобросовестных сетевых благотворительных групп, когда под видом сбора средств на медицинские операции или другие виды помощи организаторы виртуальных площадок решают собственные вопросы. Кроме того, полноценная деятельность общественных объединений чаще всего невозможна без взаимодействия с государственными структурами и органами публичной власти. Рано или поздно общественные инициативы сталкиваются с необходимостью государственной поддержки, внесения поправок в законодательство, адекватной реакции власти на те или иные социальные проблемы.

Таким образом, включение государственных структур во взаимодействие с неформальными сетевыми общественными объединениями можно считать процессом необходимым и неизбежным. Если, конечно, помимо карательных мер в адрес социально вредных сетевых практик будут вырабатываться и новые механизмы поддержки полезных общественных инициатив. Хотя закон «Об обще-

ственных объединениях» допускает возможность для общественных организаций осуществлять свою деятельность без государственной регистрации, механизмы и формы взаимодействия с такими неформализованными сообществами еще предстоит разработать.

В пользу необходимости системной работы с неформальными общественными объединениями говорит довольно высокий уровень доверия населения к таким спонтанно возникающим группам. Речь идет не о некоей гипотетической способности доверять различным институтам, а о готовности людей доверить представительство общих интересов в конкретных жизненных ситуациях. В качестве примера приведем одно из наших недавних социологических исследований, посвященное развитию городских территорий в Москве (районы Лефортово и Басманный) и Томске.

Социальное участие и легитимное представительство

При обсуждении стратегии развития территорий лишь около трети участников опросов выразили готовность лично участвовать в развитии своего города или района (табл. 2). Доля горожан, в принципе не готовых участвовать в проектах городского развития, незначительна (2,4% в Томске и 1,8% в Москве), более трети участников опроса отказываются от участия, ссылаясь на отсутствие возможности — из-за нехватки времени и по другим причинам (43,4% в Томске и 35,3% в Москве). Стоит учитывать тенденцию респондентов давать социально одобряемые ответы на вопросы анкет, вследствие чего реальная готовность участия, скорее всего, несколько ниже заявляемой.

Похожие тенденции в обоих городах наблюдаются и при рассмотрении вопроса о делегировании своих прав на участие (табл. 3). В обоих случаях горожане чаще доверяют представлять свои интересы инициативным группам жителей (37,5% ответов в Москве и 30,4% в Томске). На практике такие инициативные группы как раз и являются примером спонтанно образующихся неформальных групп, чаще всего такие объединения создают специальные группы в социальных сетях для поиска активных участников и привлечения внимания других жителей. Характерно, что общественные организации в вопросах городского развития, судя по результатам исследования, пользуются наименьшим уровнем доверия: лишь 7,6% респондентов в Москве и 12,3% в Томске готовы доверить им представительство своих интересов.

Уровень доверия к законным представителям в лице депутатов и местных органов власти также невысок (13,2% в Москве и 22,7% в Томске), а в московских районах даже уступает таким группам, как «родственники и соседи» (14,4% в Москве и 13,4% в Томске) или «специалисты» (13,7% в Москве и 13,6% в Томске).

Таблица 2. Распределение ответов на вопросы: «Вы готовы лично принимать участие в изменениях города Томска?» и «Вы готовы лично принимать участие в изменениях Вашего района?» (в Москве)

%

	Москва	Томск
Нет, меня не волнует судьба города в принципе	1,8	2,4
Меня волнует судьба города, но нет возможности (времени, здоровья и т. п.) заниматься этим лично	35,3	43,4
Готов участвовать в опросах, референдумах, фокус-группах о судьбе города	20,1	23,2
Готов участвовать в различного рода комиссиях, обсуждениях проектов	13,7	15,8
Готов работать волонтером, информировать жителей и представителей властей о ситуации в городе	2,2	3,1
Готов вести работу в социальных сетях, быть модератором групп и т. п.	2,1	7,6
Другие формы участия	22,0	3,6
Затрудняюсь ответить	2,8	,9

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Кому бы Вы доверили представлять Ваши интересы?»

%

	Москва	Томск
Депутатам, местным органам власти	13,2	22,7
Инициативной группе жителей	37,5	30,4
Родственникам, соседям	14,4	13,4
Представителям общественных организаций	7,6	12,3
Специалистам	13,7	13,6
Никому, таких просто нет	14,6	15,6
Другое (кому именно?)	8,1	4,3
Затрудняюсь ответить	7,7	4,0

Данный пример демонстрирует структуру доверия жителей в вопросах городского развития, и при решении других проблем выбор представителей может оказаться принципиально иным. Тем не менее он дает возможность оценить значимость неформальных объединений в вопросах взаимодействия органов власти и общества.

Вместо заключения

Потребность людей объединяться в сообщества можно назвать естественным способом решения проблем или достижения целей, которые в одиночку человек не может достичь. Со времен совместной охоты на мамонтов люди научились сотрудничать, объединяясь во временные или постоянные группы. Эта потребность лежит в основе группообразования независимо от того, происходит оно в реальной жизни или в ее виртуальной проекции.

С развитием ИКТ часть активностей человека переносится в интернет: это естественный процесс, поскольку многие виды деятельности легче, безопаснее, быстрее осуществлять онлайн. В результате постепенно снижаются популярность и влияние некоторых старых социальных институтов и, наоборот, стремительно усиливаются их «заменители» в виртуальном мире.

Снижение популярности официальных некоммерческих организаций с этой точки зрения — естественный процесс, частный случай, иллюстрирующий общую закономерность. На смену «титанам» доинтернетной эпохи — профсоюзам, массовым политическим партиям, многочисленным влиятельным национальным и международным организациям, — приходят сетевые движения и виртуальные группы по интересам. Эти активности формируют новую культуру общения и самопрезентации, взаимопомощи и благотворительности, экологическую и социальную этику, практики сотрудничества для решения общих проблем и привлечения внимания государства к решению важных вопросов. Исследование новой культуры и взаимодействие с сетевыми объединениями открывают большие возможности для формирования современных способов управления, более адекватных скорости изменений информационного общества.

К сожалению, сформировавшийся и усугубляющийся со временем коммуникационный разрыв между сетевым обществом и иерархическими государственными бюрократиями не позволяет государству и обществу эффективно взаимодействовать в новых условиях. Еще М. Кастельс сформулировал произошедшее под влиянием интернет-технологий разделение современного мира на реальный и виртуальный. Однако процессы, происходящие в виртуальном мире, во многом остаются незамеченными для функционеров государственного управления. Неважно, касается ли вопрос полезных общественных инициатив или распространения наркотиков, если эти процессы происходят не на улицах — они попадают в своеобразную слепую зону и как будто не замечаются органами власти.

Этот феномен игнорирования виртуальных социальных изменений кажется особенно нелогичным на фоне массового увлечения управленцев анализом больших данных, развитием государственных онлайн-сервисов и услуг, технологиями умного города.

Интерактивная карта гражданских инициатив

В Российской Федерации развиваются механизмы поддержки социально значимых инициатив. Внимание государства сосредоточено на оказании финансовой, организационной поддержки некоммерческим организациям (НПО), территориальным общественным самоуправлениям (ТОСам), образовательным организациям высшего образования, физическим лицам. Однако вне государственной поддержки и общественного внимания остаются социальные проекты, реализуемые инициативными группами — «неформальными, самостоятельными группами людей, сложившимися внутри одной или нескольких организаций, выполняющих родственную работу, имеющих одинаковые интересы и преследующих одни и те же цели»¹.

По моим наблюдениям, такие проектные команды имеют следующие особенности:

- неоднородный состав участников (люди разных возрастных, социальных, профессиональных групп, принадлежащие к разным этносам, живущие в разных городах и странах);
- отсутствие официальной регистрации в качестве юридического лица;
- отсутствие системного финансирования (бюджетирования) со стороны государственных, коммерческих, некоммерческих организаций;
- отсутствие официального интернет-сайта (главными коммуникационными площадками для инициативных групп являются мессенджеры и социальные сети).

Основой такого комьюнити является идея, принимаемая всеми его участниками, синергетическое взаимодействие, направленное на решение социально-экономических, общественно-политических проблем.

С 2020 года инициативная группа, участниками которой стали журналисты, историки из России, Великобритании, Уэльса, Польши, реализует проект «Интерактивная карта гражданских инициатив»². Его разработка стала ответом социально активных

¹ ГОСТ Р 53894—2010: Менеджмент знаний. Термины и определения. URL: https://normative-reference-dictionary.academic.ru/94915/ГОСТ_Р_53894-2010%3A_Менеджмент_знаний_Термины_и_определения.

² Интерактивная карта гражданских инициатив. URL: <https://clck.ru/TjzmB>.

граждан на вызовы пандемии коронавируса — вынужденное социальное дистанцирование, ограничение мобильности граждан. Цель проекта состоит в создании условий для обучения молодых людей посредством современных технологий дополнительного образования по направлениям «Историческая память поколений», «Роль средств массовой информации в развитии гражданской активности молодежи», «Перспективы реализации всероссийских и международных творческих проектов» и др. В настоящее время создан электронный ресурс — карта, на которой закреплены видеозаписи мастер-классов экспертов проекта, под каждой видеозаписью есть форма для обратной связи с автором проекта.

Одно из самых перспективных направлений «Интерактивной карты», на мой взгляд, — «Историческая память поколений». В соответствии с опросом, опубликованным 22 июня 2020 года на официальном сайте ВЦИОМ³, только 32 % молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет знают точную дату начала Великой Отечественной войны. «Новое поколение гораздо меньше знает о войне, чем все предыдущие. Институты и каналы передачи памяти — семейные и общественные — дают очевидные сбои», — к такому выводу приходят авторы исследования. Гражданские активисты, входящие в составы инициативных групп, активно исследуют и популяризуют биографии своих ближайших родственников — участников Второй мировой войны. Это может не только повысить степень информированности молодежи о событиях Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, но и вовлечь социально активных граждан в краеведческие исследования, основанные на семейных и архивных документах, экспозициях школьных музеев, находках поисковых отрядов.

**Квартников
Павел Вячеславович**

координатор проекта «Интерактивная карта гражданских инициатив», член Союза журналистов России

³ Данные опубликованы в аналитическом докладе «День памяти и скорби» от 22.06.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pamyati-i-skorbi>.

ЛЮДИ ДОБРА: КАК РАЗВИВАЮТСЯ ВОЛОНТЕРСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

БАЛАКИРЕВА СОФЬЯ ОЛЕГОВНА

руководитель направления по работе с экспертами
Центра развития общественного и экспертного капиталов ВЦИОМ

Как можно охарактеризовать текущий этап развития культуры волонтерства в России? Какова сегодня динамика волонтерских движений?

МЕТЕЛЕВ АРТЕМ ПАВЛОВИЧ

председатель Совета Ассоциации волонтерских центров,
член общественной палаты РФ

Сегодня мы видим устойчивый рост развития формирования культуры волонтерства в нашей стране. Растет число людей, которые участвуют в волонтерском движении, в социальных проектах, осознают себя добровольцами (семь лет назад активных участников было 3%, а сегодня — 15%), а также тех, кто одобряет такую деятельность, наблюдая со стороны (70—80% общества). Фактически это один из институтов, которым доверяют больше всего в нашей стране, потому что люди видят реальную работу волонтеров в разных областях: помощь врачам, бездомным, социализация сирот, работа в музеях, борьба с экологическими проблемами. И это становится социально одобряемым поведением. Волонтерских организаций появляется все больше, причем как в крупных, так и в малых городах, в поселках. Только на одном портале добровольчества Ассоциации волонтерских центров зарегистрировано под 28 тысяч организаторов волонтерской деятельности. Еще пять-семь лет назад их было кратно меньше. Сейчас волонтерские центры создаются на базе библиотек, музеев, соцучреждений, компаний, университетов. И становятся эффективным инструментом, технологией вовлечения локальных сообществ в решение проблем. Большую роль играют в этом НКО, благотворительные организации, которые, реализуя свои социальные программы, обучают добровольцев, проводят программы адаптации, делают волонтерское движение более устойчивым.

Сегодня 25% россиян задумываются о том, чтобы стать волонтерами, это на 5% больше, чем всего пару лет назад. Мы видим очень большой потенциал в обществе, который нужно раскрывать, находить правильные месседжи, создавать условия, чтобы люди от желания переходили к участию.

Волонтерство все чаще обсуждают, все чаще подталкивают детей к поиску себя через волонтерские проекты. Тему стали поднимать в университетах. Все больше работодателей учитывают социальный опыт, общественный бэкграунд человека при приеме на работу. Понимают, что среди качеств сотрудников должны быть эмпатия, лидерство, критическое мышление и равнодушие.

Большая часть россиян участвуют в волонтерской деятельности неформально, не через организационные структуры, а поодиночке или с друзьями. И это говорит об определенном сломе культурных паттернов поведения. Не потому, что государство не предпринимает активные попытки создать соответствующие проекты, в которых жители могут поучаствовать. А потому, что они сами чувствуют ответственность за происходящее и силы решать проблемы, хотя и готовы оказывать помощь.

ЖУКОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА

руководитель Дирекции общественного движения
«Волонтеры культуры»

Стремительное развитие волонтерства связано с возрастающим уровнем массового понимания его ценности и комплексным подходом к формированию его условий, в том числе проведению в 2018 году Года волонтерства (добровольчества). Среди факторов развития волонтерства можно отметить:

- ⇒ все чаще возникающая внутренняя потребность людей быть полезными, делать добрые дела — это социальный тренд, который набирает обороты и сохранится на многие годы;
- ⇒ усилия многих НКО и Ассоциации волонтерских центров по популяризации волонтерства и формированию инфраструктуры его развития;
- ⇒ государственная поддержка добровольчества на всех уровнях: от грантовой поддержки до законотворческих инициатив;
- ⇒ создание понятного алгоритма участия в волонтерской деятельности, развитие подходов и технологий привлечения и работы с волонтерами. Важную роль играет портал DOBRO.RU, из информационного портала развившийся в экосистему для развития волонтерства и гражданской активности, которая сейчас включает в себя «Добро.Университет», «Добро.Конкурсы» и «Добро.Журнал».

Если раньше волонтерство воспринималось как отдельное, исключительно молодежное движение, то сейчас волонтерство становится нормой. Сегодня у большинства из нас среди знакомых и постоянного круга общения есть человек, который занимается волонтерской деятельностью. Уровень отношения к волонтерам качественно меняется, растет уважение к ним, повышается авторитет их деятельности. Особенно это стало очевидным благодаря роли волонтеров Всероссийской акции «Мы Вместе», без которых справиться с пандемией и новыми условиями жизни было бы невозможно.

Что касается волонтеров культуры, то они были всегда. Это практика, востребованная во всем мире, и наша страна не исключение. Людей, влюбленных в культуру и искусство, с каждым годом становится больше, и многие из них готовы не только восхищаться и вдохновляться, но и помогать и быть полезными. В 2018 году победители и финалисты Всероссийского конкурса «Доброволец России» разных лет выступили с инициативой создания общественного движения, и в 2019 году на базе Ассоциации волонтерских центров открылась Дирекция общественного движения «Волонтеры культуры». Также в начале 2019 года в Национальном проекте «Культура» появилась программа «Волонтеры культуры». Именно с этого момента началась долгосрочная и системная работа по созданию инфраструктуры развития и поддержки сообщества волонтеров культуры в нашей стране.

За это время нам удалось сформировать сообщество волонтеров и волонтерские центры в сфере культуры, определить направления деятельности, подготовить методические материалы, разработать тематический двухмодульный онлайн-курс, сформировать и масштабировать востребованные инициативы — флагманские проекты движения. Сегодня волонтеры культуры восстанавливают и популяризируют материальное и нематериальное наследие, реализуют творческие социокультурные проекты, разрабатывают туристические маршруты, помогают учреждениям культуры, проводят экскурсии, создают и развивают общественные пространства в городах и малых населенных пунктах. Уже более 76 000 человек присоединились к общественному движению «Волонтеры культуры».

САВЧУК ПАВЕЛ ОЛЕГОВИЧ

председатель Всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики», заместитель директора Федерального центра поддержки добровольчества и наставничества в сфере охраны здоровья Минздрава России, член Центрального штаба Общероссийского народного фронта

С каждым годом медицинское добровольчество набирает все большие обороты. 2020 год для нас всех стал особенным: волонтеры-медики плечом к плечу с медицинскими работниками находились на передовой борьбы с коронавирусом. Деятельность добровольцев в этом году показала свою высокую

востребованность и эффективность. На сегодняшний день одна из ведущих задач в системе здравоохранения — профилактика заболеваний. И в данном направлении есть безусловная потребность в помощи добровольцев. Помощь в медицинских организациях останется востребованной и после пандемии коронавируса.

Сейчас ряды волонтеров-медиков насчитывают в своем составе более 76 000 добровольцев во всех регионах России. Причем многие из них представляют не только административные центры, но и 225 муниципальных отделений. Одно из главных направлений нашей работы, с которого началась история современного медицинского добровольчества, — волонтерская помощь в медицинских организациях. За пять лет работы волонтеры помогли в больницах более 3,5 миллионов часов.

Мы всегда говорим о том, что добровольцем в сфере здравоохранения может стать каждый. Это, во-первых, студенты медицинских вузов, у которых есть время и возможность помогать врачам и пациентам, получая отличный опыт и необходимую практику. Также в ряды волонтеров-медиков ежегодно вступает большое количество школьников. Сейчас наше Движение насчитывает 2090 школьных отрядов в 83 субъектах и включает более 19 000 волонтеров-школьников, которые популяризируют здоровый образ жизни среди сверстников, проходят программу профориентации в медицину, знакомятся с работой медицинских организаций «изнутри» и помогают им в рамках своих компетенций. Развита и работа с «серебряными» волонтерами¹.

Балакирева Софья Олеговна: Какие мотивы в основном движут людьми, которые хотят стать волонтерами, приходят в эту сферу?

Метелев Артем Павлович: Эти мотивы делятся на рациональные и эмоциональные. Конечно, стержневой мотивацией для человека является его желание сделать что-то хорошее. Оказать помощь людям. Сделать жизнь людей вокруг, жизнь в своем городе немного лучше. То есть это альтруистические мотивы. Люди все больше задумываются о смысле жизни, проходят через экзистенциальный кризис, кризис осмысления того, чем они занимаются.

Многие часто не видят результат своего труда, и поэтому идут в социальные проекты и волонтерство. Именно там они сразу видят отдачу, получают отклик от тех, кому они помогают. Это укрепляет их внутренний стержень, веру в себя, в жизнь, помогает шире смотреть на мир. Это то, чему не учат в школе и университете, что познается на практике.

Волонтерство также помогает приобрести новые навыки, знания. И особенно это важно для молодых людей. Они становятся более конкурентоспособными,

¹ Волонтеры старше 55 лет.

если еще в школе участвуют в общественной активности, совпадающей с их будущей профессией: помогают как волонтеры-медики, волонтеры-психологи, волонтеры-экологи и так далее.

Также волонтерство — это возможность посмотреть страну, мир, познакомиться с новыми людьми. Расширить круг общения людьми, близкими по интересам. В обществе растет запрос на качество коммуникаций, взаимоотношений, и люди подбирают себе окружение, исходя из внутренних установок, ценностей.

Савчук Павел Олегович: Люди приходят в ряды волонтеров, потому что хотят быть нужными, помогать тем, кто в этом нуждается. Сейчас «Волонтеры-медики» активно развивают направление психологической помощи. К нам приходят профессиональные психологи, они помогают на добровольных началах. Для них одна из мотиваций — образовательные программы, которые представляют наши партнеры. Ну и, конечно, для всех добровольцев волонтерство — это новые друзья и знакомства.

Жукова Дарья Дмитриевна: Волонтер культуры — это не просто помощник на мероприятиях, а идейный вдохновитель, полноценный член команды учреждения культуры, единомышленник и союзник, который предлагает новые формы продвижения и популяризации культуры, а также делает ее более открытой и понятной для широкого круга лиц. Это люди разных возрастов, профессий и увлечений, из разных уголков нашей страны, но всех их объединяет желание помогать, становиться частью сферы культуры, возможность сделать мир вокруг себя лучше, найти единомышленников, познакомиться с деятелями культуры, прикоснуться к истории, открыть для себя новые творческие направления, а также оказать посильную помощь в сохранении и приумножении культурного наследия нашей страны.

Балакирева Софья Олеговна: Как пандемия сказалась на развитии волонтерства? Изменился ли «портрет» волонтера в этот период? Что волонтерам удалось сделать?

Савчук Павел Олегович: Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики» и Ассоциация волонтерских центров совместно с Общероссийским народным фронтом с 21 марта 2020 года запустило Всероссийскую акцию #МыВместе, к которой присоединились свыше 200 тысяч волонтеров. В рамках акции была открыта горячая линия адресной помощи для пожилых людей, удалось оказать помощь более чем 5 млн граждан. К акции также присоединилось бизнес-сообщество страны: более 9,7 тыс. партнеров пожертвовали 1,8 млрд рублей и предоставили населению товаров более чем на 30 тыс. тонн. Более 210 тыс. человек получили консультации от волонтеров-психологов, свыше 1,8 млн че-

люди воспользовались чат-ботом. Акция #МыВместе показала, что общество способно объединиться, чтобы противостоять общей беде.

Волонтеры-медики — это в большинстве своем студенты и аспиранты медицинских вузов, а волонтерами акции #МыВместе стали люди разных профессий и возрастов, которые в такой непростой период нашли время и возможность помогать другим. Поменялся и демографический портрет волонтера. До пандемии средний возраст волонтеров был примерно 24—25 лет. В весенне-летний период, когда главной задачей волонтеров была адресная помощь, средний возраст составлял 30—40 лет, 40 % из них мужчины и 60 % женщины. В осенне-зимний период, когда основную помощь волонтеры оказывали в медицинских организациях, ядро волонтерского корпуса вновь стала составлять молодежь. Также увеличилось количество «серебряных» волонтеров, которые помогали дистанционно.

Волонтерское движение в настоящее время от событийного переходит к системному, и пандемия коронавирусной инфекции придала этому тренду дополнительный импульс. 50 % добровольцев, принявших участие в акции, начали заниматься волонтерством только во время пандемии, то есть это приток новых людей, которые хотят помочь. Надеемся, они останутся в наших рядах.

Жукова Дарья Дмитриевна: Пандемия внесла свои коррективы в деятельность волонтеров культуры. Весь прошлый год мы участвовали в акции #МыВместе, волонтеры культуры работали операторами единой горячей линии, где помогали принимать и выполнять заявки, ориентировали в правилах самоизоляции и мерах по предупреждению распространения инфекции, профилактике заболеваний.

Региональные сообщества волонтеров культуры сразу отреагировали на запрос учреждений культуры, которые долгое время были закрыты и перешли в онлайн-формат работы: необходима была помощь в адаптации привычной работы к дистанционной форме, а также помощь сотрудникам учреждений культуры, особенно старшего возраста, которые соблюдали режим самоизоляции. В период пандемии волонтеры культуры вместе с сотрудниками учреждений культуры шили защитные маски и костюмы, которые доставляли нуждающимся.

На время пандемии выпало празднование важных дат для нашей страны, в том числе Дня Победы. Волонтеры вместе с сотрудниками учреждений культуры поздравляли ветеранов и организовывали концерты во дворах. В начале июня мы провели Всероссийскую акцию «Декламирую», приуроченную ко Дню русского языка, которая охватила почти 70 000 человек в онлайн- и офлайн-форматах в 48 субъектах Российской Федерации. В эти дни были проведены инстаграм-квизы «Велик и сургуч», направленные на изучение архаизмов, диалектизмов и профессионализмов в сфере культуры.

Когда пандемия только началась, мы вместе с Российской государственной библиотекой запустили новый формат — Литературный марафон «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...», предложив вместо спортивных дистанций преодолеть литературные рубежи. В марафоне по чтению повести Василия Аксенова «Коллеги» приняли участие более 150 человек в возрасте от 8 до 75 лет из 68 регионов России и других стран. Более 200 марафонцев в возрасте от 14 до 62 лет из 65 регионов России читали роман «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Итоги полумарафона и любительской дистанции можно найти в социальных сетях по хештегу #читаемвместе, с помощью которого участники передавали друг другу эстафету. В этих «забегах» приняли участие жители всех регионов страны от 2,5 до 75 лет, читали «Евгения Онегина», «Дядю Ваню», «Чайку», произведения других писателей и поэтов.

Балакирева Софья Олеговна: Есть ли взаимодействие с зарубежными волонтерскими организациями, какие здесь наблюдаются изменения? Сказываются ли политические взаимоотношения стран на взаимодействии волонтеров?

Метелев Артем Павлович: Конечно, такое взаимодействие есть, причем с организациями со всех континентов. Ассоциация волонтерских центров — одна из немногих организаций в мире, которая является официальным партнером программы добровольцев ООН. Россия стала представителем субрегиона Европы и Центральной Азии на прошедшей недавно глобальной конференции ООН по волонтерству. Мы проводим ежегодный международный форум добровольцев, куда приезжают представители больше 80 стран. И это говорит об очень высокой заинтересованности наших коллег из других стран в тех подходах, тех мерах поддержки, которые есть в России, в наших проектах. Мы постоянно ездим на стажировки и организуем их, обмениваемся опытом. Недавно мы подали заявку на проведение в России международной конференции добровольцев IAVE. Она пройдет в 2024 году. Надеюсь, что мы выиграем и к нам в страну приедут лидеры волонтерских движений из всех стран.

Что касается политических взаимоотношений, то мы их не чувствуем. Мне кажется, что наша сфера довольно далека от политики, при этом специфика и преимущество волонтерства как формы гражданского участия состоит в том, что оно пронизывает почти все сферы общественной жизни. В общественных проектах люди быстрее договариваются, без оглядки на позицию своих стран, находят решения, дружат, и дружба эта не между странами, а между людьми. У нас много друзей в странах СНГ, в Европе, в США. Они приезжают к нам как гости и как волонтеры, а мы приезжаем к ним. И это сотрудничество будет продолжено.

Савчук Павел Олегович: Волонтеры-медики активно сотрудничают с зарубежными партнерами в рамках медицинского добровольчества. Партнеры

из Ассоциации «Молодые врачи Италии» приняли участие в совместном вебинаре «Жизнь после коронавируса. Какие задачи встанут перед медицинским добровольчеством». Национальная платформа волонтерских инициатив в Мексике организовала совместный воркшоп «Перезагрузка: как побороть эмоциональное выгорание». Воркшоп в онлайн-формате состоялся в рамках акции «La Fiesta 5D», посвященной Всемирному дню волонтера, целью которой является популяризация волонтерской деятельности в Мексике.

В 2020 году на международном уровне ВОД «Волонтеры-медики» совместно с партнерами провели несколько акций: в Кыргызстане, Таджикистане и Чад по профилактике онкологических заболеваний; в Армении, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане — «Урок по первой помощи»; в Республике Кыргызстан — акцию по повышению грамотности в вопросах оказания первой помощи и акцию «Оберегая сердца». В ближайшее время планируется проведение акции «СТОП ВИЧ/СПИД».

В рамках развития международной деятельности Движения прошел цикл вебинаров, на которых выступили спикеры из десяти стран мира по вопросам развития добровольчества в период пандемии коронавируса, о перспективных задачах и инновационных направлениях для медицинского добровольчества, о поддержании и повышении популярности добровольческой деятельности в сфере здравоохранения.

Политические взаимоотношения стран на взаимодействии волонтеров не сказываются. Волонтерство — это не о нациях и вероисповеданиях. Волонтерство — это о человеке, который помогает окружающим чем может и сам умеет достойно принимать помощь от других. Пандемия лишний раз это доказала. Об этом говорит и увеличение количества наших зарубежных партнеров.

Балакирева Софья Олеговна: Ощущает ли Ваша организация поддержку со стороны общества и государства?

Метелев Артем Павлович: За последние семь лет отношение государства, общественных институтов к поддержке Движения фундаментально изменилось. Из темы, которая вызывала раздражение, неприятие, которая была непонятна многим, волонтерство превращается в мейнстрим и эффективное решение проблем. Раньше органы власти, сотрудники учреждений не хотели допускать в свои зоны ответственности «внешних людей», которые могут что-то узнать, сделать не по порядку, предложить альтернативу. Сегодня ситуация изменилась. Профессиональная работа НКО и волонтерских организаций помогает государству быстрее решать проблемы, результат получается другого качества, это заметно как на федеральном, так и на региональном уровне. Мы видим широкое участие НКО в различных общественных советах, комиссиях, группах, которые

помогают проектировать и реализовывать государственные решения. Сейчас многие сферы невозможны без работы добровольцев, в первую очередь социальная сфера. Государственная услуга, оказываемая профильными сотрудниками, не дает главного — заботы и внимания, и волонтеры помогают дополнить работу государства особым качеством. А когда мы говорим о таких кризисных ситуациях, когда, например, потерялся человек, слаженная работа волонтеров помогает спасти жизнь. И каждый год эти спасенные жизни исчисляются десятками тысяч.

Поэтому ежегодно увеличивается количество средств, выделяемых на поддержку волонтерских проектов, корректируются законодательные акты. В регионах принимаются государственные программы поддержки, включая предоставление помещений, программы обучения, мотивации волонтеров. Все больше СМИ освещают эту тему. Вокруг стало больше социальной рекламы. Сегодня в этом активно участвует бизнес, который тоже формирует модели поведения своих потребителей.

**ЗЕМНУХОВА
ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА**

кандидат социологических наук, научный сотрудник
Центра исследований науки и технологий Европейского
университета в Санкт-Петербурге, старший научный сотрудник
Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН

НЕУЛОВИМЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА ДО НЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гражданский активизм сегодня понимается многогранно и часто противоречиво. К нему относят не только протесты, митинги, петиции, революции, марши, но и участие в благотворительности, поддержку некоммерческих проектов и негосударственных организаций.

Гражданский активизм едва ли можно свести к четким характеристикам. По количеству участников он может быть как индивидуальным, так и коллективным, причем без верхнего предела численности. По степени организованности активистские проявления могут быть стихийными или тщательно запланированными. По формату — предполагать четкую повестку, сценарий действий, ролевые распределения, а могут не иметь никакой конкретики. По масштабам действия

или влияния активизм варьируется от одиночных пикетов или локальных соседских инициатив до всемирных маршей и протестов. В качестве жеста гражданского активизма может рассматриваться даже самоожжение (Альберт Разин, Ирина Славина), а наравне с ним разнообразные способы проявления солидарности, которые возникли и стали развиваться в цифровой среде, социальных сетях (например, тематические аватарки, хештеги). Гражданский активизм при описании конкретных событий может

Депутат Мосгордумы Дарья Беседина
во время обсуждения поправок к Конституции РФ,
2020 год

Из открытых источников

быть назван акционизмом, общественной деятельностью, общественной активностью, добровольчеством и т. п.

Активизм, наряду с гражданским повседневным выбором, может быть профессиональной деятельностью. Активисты могут становиться (микро-)инфлюенсерами и использовать свой символический, социальный и другой репутационный капитал для влияния на публичную повестку.

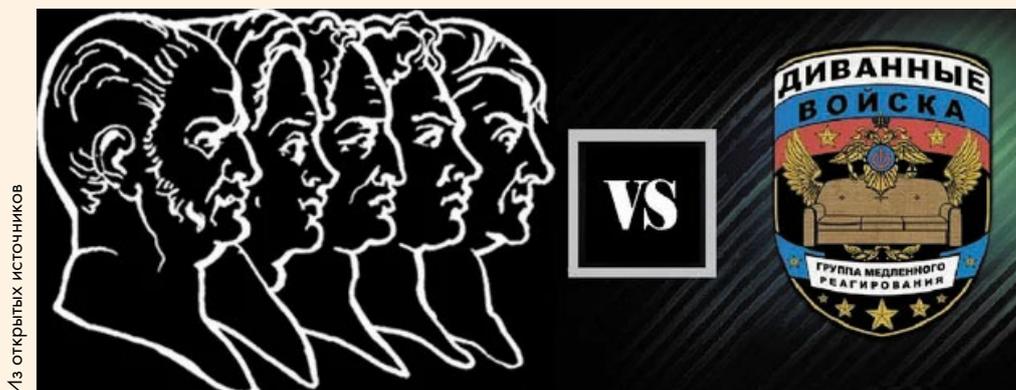
Если верить словарям, истории активизма как понятия (но не феномена) около ста лет. Если же говорить именно о феномене, то известно, что в Англии уже с XIV века, а во Франции с XVI века, систематически издавались суровые законы, запрещавшие союзы подмастерьев и стачки. Наиболее распространенные контексты использования термина «активизм» находятся в сферах внешней и внутренней политики, трудового права, а также глобальных движений.

Гражданский активизм, обычно в политическом контексте, отличает стремление выразить несогласие с существующим положением дел с целью его изменения. Иными словами, для его возникновения в любой форме необходима определенная, чаще социально-политическая, ситуация, которая противоречит представлениям граждан о благе или желательном ее решении и вызывает тем самым реакцию в виде предложений по поводу изменения этой ситуации с явным лидером или без него.

Неполитический гражданский активизм связывают с такими повестками, как:

- защита интересов социальных групп (женщины в кризисной ситуации, дети, инвалиды, ЛГБТ, ВИЧ-инфицированные, члены нетрадиционных конфессий и пр.);
- экологичный образ жизни («зеленые движения»);
- защита животных (бездомных, диких, исчезающих видов и пр.);
- краеведение и градозащита;
- создание инфраструктурных интернет-платформ и пр.

Значимой вехой для развития гражданского активизма стали документы, закрепившие гражданские и политические права. Принятый в 1966 году Международный

пакт о гражданских и политических правах Организации Объединенных Наций предоставил не только терминологию и возможности для понимания гражданственности, но и прочные основания для аргументов, которые в дальнейшем использовались для защиты своих прав в разных жизненных ситуациях. Появление словаря — необходимый этап в развитии гражданского активизма, поскольку он позволяет артикулировать проблемную ситуацию, выстраивать диалог с оппонентами, будь то работодатели, государство или международные организации. Таким образом, гражданский активизм в бытовом смысле нередко понимается как реакция на сложившуюся жизненную ситуацию со стороны недовольных ею граждан.

Социальные исследователи активизма включают в этот феномен и социальные движения, и коллективные действия, и даже государственные политики вовлечения граждан. Так, Международный институт социальных наук [определяет](#) гражданский активизм следующим образом: «это социальные нормы, организации и практики, которые усиливают привлечение граждан к публичной политике и решениям. Это включает доступ к гражданским ассоциациям, участие в медиа и средства участия в такой гражданской деятельности, как ненасильственная демонстрация или петиции»¹. Здесь в первую очередь подчеркиваются возможности отдельных граждан и их доступ к средствам коммуникации в контексте публичной политики. И хотя не все активистские инициативы имеют непосредственное отношение к публичной политике, важно подчеркнуть потенциал доступа к ресурсам, неформальным связям, возможностям мобилизации.

Одна из трактовок активизма связана с тем, что он подразумевает действие, деятельность или хотя бы потенциал действия, которое могло бы быть направлено на «оппонента». Чаще всего оппонентом выступает государство или власть, но также может быть индустрия/рынок или же другие социальные группы. При этом активистами могут стать и представители профессионального активистского сообщества (например, правозащитники или сотрудники НКО), и обычные граждане, которые не имеют опыта активистской деятельности. Центр Гражданского анализа и независимых исследований (Центр ГРАНИ) предлагает следующее определение активизма: он невозможен без гражданского поступка, публичного поведения, способности к ситуативной мобилизации и нацеленности на решение конкретной проблемы.

Российская история гражданского активизма имеет свои особенности. К концу XIX века гражданские инициативы стали формироваться на фоне урбанизации, хотя большая часть обрела форму в меньшей степени общественных и в большей — политических движений, многие из которых возникли и исчезли в межреволюционный период. В советское время профсоюзные и общественные

¹ Civic Activism. URL: <https://isd.iss.nl/home/civic-activism/>.

организации были подконтрольны государству и партии. Однако же независимые инициативы, движения и протесты все же возникали, и они жестоко подавлялись (например, Новочеркасская забастовка 1962 года, коллективное открытое «Письмо девяносто девяти» 1968 года, самиздатовский бюллетень прав человека «Хроника текущих событий» 1968 года, «Демонстрация семерых» 1968 года и пр.). Ключевой формой советского гражданского активизма было [диссидентское движение](#), которое выступало против коммунистической идеологии в пользу правового государства². На фоне мирового движения за права человека возникали российские правозащитные инициативы (например, Московская Хельсинкская группа), которые могли опираться на международные официальные документы (Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Перестройка и демократизация 1980—1990-х обернулись [подъемом](#) гражданского активизма в виде общественных и неформальных движений, которые теперь были ориентированы на деполитизацию и против политических технологий и отчасти направлены на изменение материального положения³. К середине 1990-х появились законодательные основания для развития гражданского общества: федеральные законы «[О некоммерческих организациях](#)» 1996 года⁴ и «[Об общественных объединениях](#)» 1995 года⁵, регулирование деятельности [иностранных фондов и доноров](#)⁶.

В повестку появлявшихся организаций третьего сектора практически не входили политические вопросы. Скорее задача состояла в том, чтобы менять ситуацию вокруг себя во имя общественного блага и улучшения качества жизни, которые выражались, например, в [городских движениях](#)⁷ или [локальных инициативах](#)⁸.

Из открытых источников

² См.: Немцев М. Ю. Из кухни на площадь. Рец.: Весье, Сесиль. За нашу и вашу свободу. Диссидентское движение в России / пер. с франц. Е. Баевской, Н. Кисловой, Н. Мавлевич. М.: НЛО, 2015.

³ См.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Ot_obyvateley_k_aktivistam.pdf.

⁴ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ г. Москва «О некоммерческих организациях». URL: <https://rg.ru/1996/01/24/nko-dok.html>.

⁵ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях». URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-ob-obvestvennyh-obedinenijah/>.

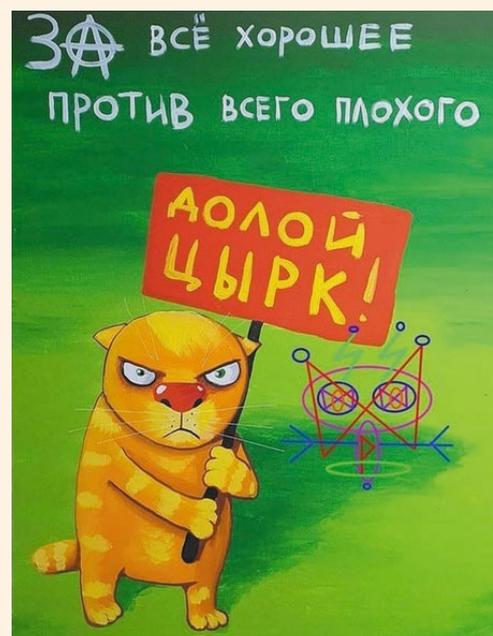
⁶ См.: Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ; Вариант, 2009.

⁷ См.: Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 70—304. URL: http://cizr.pro/files/publ/Gladarev/Gladarev_Rozhdenie%20obshchestvennosti%20iz%20dukha%20goroda.pdf.

⁸ См.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Ot_obyvateley_k_aktivistam.pdf.

Политическое в повестку активистских инициатив вернулось в 2010-х годах на фоне движения против [фальсификации результатов выборов](#)⁹. Возникли основания для формирования публичной политики с новой активистской культурой, которая продолжает развиваться и сегодня. Оппозиционные митинги, политические организации, волонтерские движения, благотворительные фонды, добровольческие инициативы, экологические протесты и гражданские технологии сегодня представляют российский гражданский активизм.

⁹ См.: Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов / под ред. С. В. Ерылевой, А. В. Магуна. М.: НЛО, 2014.

Картина Васи Ложкина.
Из открытых источников

РАСШИРЕННАЯ ПОДБОРКА ДАННЫХ «ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ»

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

[«Спутник»](#) (с января 2017 г. по настоящее время)

[«Архивариус»](#) (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

[SOCIODIGGER.RU](http://sociodigger.ru)

Нам важно ваше мнение о «СоциоДиггере», чтобы сделать следующие выпуски еще более отвечающими вашим интересам. Уделите, пожалуйста, 3 минуты, нажмите кнопку

[ДАТЬ ОБРАТНУЮ СВЯЗЬ](#)

wciom.ru

monitoringjournal.ru

[MOM @ZhurnalMonitoring](#)

[@WCIOMofficial](#)

[@wciom](#)

[@wciom](#)

[@wciompage](#)

[@wciom](#)

[@wciom](#)

[Я.Дзен ВЦИОМ](#)

[Подкасты ВЦИОМ](#)